

А. МЕЙЕ

# СРАВНИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД В ИСТОРИЧЕСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

933176

*Перевод с французского*

А. В. ДИЛИГЕНСКОЙ

*Под редакцией*

Б. В. ГОРНУНГА и М. Н. ПЕТЕРСОНА

*Предисловие*

Б. В. ГОРНУНГА

И \* Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва, 1954

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопросы методики сравнительно-исторического изучения родственных языков занимают важное место в советском языкознании, но вместе с тем эта область продолжает оставаться одной из отстающих областей нашей науки. Безраздельное господство в течение более чем четверти века антиисторических концепций Н. Я. Марра и его последователей прервало славную традицию русской науки, связанную с именами Ф. Ф. Фортунатова, И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, Г. Г. Ульянова, А. А. Шахматова, М. М. Покровского, А. М. Селищева и многих других замечательных языковедов, которые нередко шли впереди западноевропейской компаративистики. Может быть ни на что другое не тратили марристы своих разрушительных сил с таким ожесточением, как на то, чтобы дискредитировать самую идею языкового родства, идею единого происхождения родственных языков. Они изошрялись в этой дискредитации, приписывая идее родства языков расистское содержание, стремились заменить ее своими космополитическими измышлениями об образовании языковых семей и групп путем «скрещения» и «трансформаций» одного языка в другой.

Все это привело к весьма печальным последствиям. Многообразие и богатство языков Советского Союза представляет собою плодотворное поле для сравнительно-исторических исследований на материале самых разнообразных языковых семейств и может оказать существенную помощь и для разработки вопросов языковой практики. Однако сравнительно-историческое изучение финно-угорских, алтайских, кавказских языков разработано еще очень слабо. Полуторавековые достижения компаративистики в области индоевропейского языкознания применяются к язы-

кам других семей еще очень неравномерно. Сравнительно-историческим изучением финно-угорских языков много успешно занимаются в Венгерской народной республике и в Финляндии, но очень мало у нас. В наших тюркоязычных республиках языковеды еще довольно часто путают сравнительно-исторический метод со сравнительно-сопоставительным. Попытки установить генетические связи между картвельскими, абхазо-адыгейскими, «вейнахскими» и дагестанскими языками, заманчивые в идее, страдают еще большим несовершенством методики, недостаточным учетом достижений, сделанных сравнительно-историческим языкознанием с последней четверти XIX в. до наших дней.

Наряду с этим, не все благополучно и в области исторического изучения индоевропейских языков, где методические промахи, учитывая богатый опыт индоевропеистики, еще менее допустимы. В частности, не все разделы сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков нашли должное место в советской науке о языке. Совсем не возобновилась пока работа в области этимологии и топонимики, требующая особой строгости в применении метода, а на отдельных опытах в этой области продолжает еще (за немногими исключениями) лежать печать известного дилетантизма.

В связи со сказанным приобретает исключительное значение издание обобщающих теоретических работ о сравнительно-историческом методе и методических пособий, доступных широким кругам читателей, обладающих лишь элементарной историко-лингвистической подготовкой. К числу лучших из немногочисленных пособий такого рода принадлежит книга А. Мейе «Сравнительный метод в историческом языкознании», представляющая собой переработку цикла лекций, прочитанных в Осло в 1924 году. Книга, несмотря на свой небольшой объем, отражает с исключительной полнотой общепринятые и наиболее проверенные на фактах положения науки. За тридцать лет она почти не устарела. Это не значит, что за эти годы сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков не имело никаких новых достижений. Такие достижения есть (особенно в связи с вовлечением в круг исследований материала хетто-лувийских языков), хотя темп прогресса в этой области зарубежного языкознания, безусловно, сильно замедлился в последние 10—15 лет, в связи с активной пропагандой антиисторических концепций структурализма, «глос-

сематики», «семантической философии», «дескриптивной» лингвистики, различных «фонологических» теорий, учения о «языковых союзах» и тому подобных «теорий», свидетельствующих об упадке буржуазной лингвистики. Однако конкретные достижения исторического изучения индоевропейских языков, с трудом пробивающиеся сквозь господство модных антиисторических течений, ставя много новых важных проблем (относительной хронологии доисторических периодов развития индоевропейских языков, происхождения их флективного словоизменения, древнейшей морфологической структуры индоевропейского слова, акцентологии и т. д.), нисколько не колеблют общих принципов применения сравнительно-исторического метода в языкознании, которые изложены в книге А. Мейе. Основы методики не подвергаются сейчас коренной ломке, подобной той, которой они подверглись примерно между 1870 и 1880 годами, и именно поэтому книга Мейе до сих пор не устарела и до сих пор стоит выше некоторых попыток популярного обобщения, предпринимавшихся позднее (Кречмером, Кикерсом, Бонфанте, Пизани, Тетрачини).

Не стоит, конечно, повторять, что далеко не все даже в методике сравнительно-исторического изучения родственных языков, применяемой в зарубежном буржуазном языкознании, для нас приемлемо. Основное здесь даже не в признании серьезных недостатков этого метода и его ограниченности. Такие признания можно найти в достаточном количестве и в данной книге Мейе и в других его статьях, собранных в сборнике «Linguistique historique et linguistique générale». Основное различие заключается в понимании метода, занимаемого этим методом в историческом языкознании. Для нас сравнительно-исторический «метод» не есть метод в собственном смысле слова, всегда связанный с определенным научным мировоззрением, с определенным пониманием законов существования действительности, отношения бытия и сознания, основных законов развития природы и общества. Для нас он — только некоторая система исследовательских приемов, необходимых для правильного собирания фактов, для их систематизации и частичного обобщения. Поскольку развитие языков по своим внутренним законам во многом определяется их генетическими связями, фактом вхождения каждого языка в состав семей и групп родственных языков (хотя бы и не дошедших до нас или разошедшихся с данным языком до степени неопределимости

родства), — постольку без применения этих приемов невозможно никакое историческое языкознание. Однако совокупность таких приемов или даже система их (которую мы пока еще не располагаем, если подходить к ней в строгом смысле) у нас не может ни сопоставляться с основным марксистским диалектическим методом, ни, тем более, противопоставляться ему. Область методологии, единой для всех общественных наук, и область методики, специфической в каждой науке в зависимости от природы ее объекта, у нас четко разграничены. Иное дело — отношение к сравнительно-историческому методу у любого буржуазного лингвиста, в том числе и у А. Мейе. Эклектизм и расплывчатость его общей научной методологии (позитивистской в самом широком смысле) позволяют ему сочетать и сопоставлять различные «методы» науки в любых комбинациях. Как виднейший представитель французской «социологической» школы, развивающей в лингвистике идеалистические положения буржуазных социологов Дюркгейма, Тарда, Лебона и др., Мейе «сочетает» правильные и в большинстве случаев бесспорные методические и иногда чисто технические рецепты лингвистического исследования с противоречивыми и подчас наивными суждениями об обществе, его развитии, его расщеплении, о нациях и народностях, о характере первобытного (доклассового) общества и т. д. Советский читатель без труда заметит и поймет примитивность и наивность таких суждений. В данной книге Мейе их, однако, немного, и они высказываются автором лишь попутно, не имея принципиального значения для основной темы.

Лишь очень немногие положения А. Мейе в данной книге требуют специальных оговорок. Здесь прежде всего надо отметить, что Мейе, кардинально расходясь с положениями марксистского языкознания, недооценивает значения постепенности языковых изменений, постоянной и никогда не прекращающейся в языке борьбы нового со старым и непрерывного приспособления старого к новым функциям, выдвигаемым потребностями общения. Конечно, обо всем этом он говорит и постоянно подчеркивает роль «подготовительных периодов», но на деле в ряде мест у него получается нечто вроде внезапного «взрыва», в короткий срок меняющего весь облик языка (например, стр. 44). Правда, у Мейе это не марровские «стадиальные взрывы» единого «мирового глоттогонического процесса», а всегда коренные переломы в жизни определенного конкретного языка, но тем

не менее переоценку у Мейе их внезапности и фактическую необоснованность таких утверждений нельзя не отметить.

Правильно отмечая исключительную устойчивость словоизменительной системы языка при скрещивании с другими языками, отсутствие в языках заимствованных формативов, Мейе в целом все же переоценивает роль «смешения языков», не замечая принципиальной разницы между взаимодействием обособившихся языков и взаимодействием диалектов и говоров внутри языка. Переоценивает он иногда и роль так называемых «субстратов», в частности в вопросе об обособлении отдельных романских языков, не учитывая, что скрещивание народной латыни с туземными языками предшествовало на ряд столетий ее распаденю. Неправомерно предполагается, например, финский субстрат для всех диалектов литовского и латышского языков (в отличие от древнепрусского). Мы знаем, что там, где наличие финского (ливского) субстрата действительно имело место (северо-западные говоры латышского языка), этот факт вызвал к жизни языковые изменения, которых не было в других диалектах этих языков.

Наконец, нужно отметить не всегда достаточную четкость описания фонетических процессов (например, стр. 83—85).

Несмотря на отмеченные черты, книга А. Мейе в русском переводе принесет, несомненно, большую пользу, заполняя существенный пробел в лингвистической литературе до тех пор, пока у нас не появятся самостоятельных пособий в той же области<sup>1</sup>. Но и тогда она окажется небесполезной, так как основана на огромном личном исследовательском опыте, может быть, самого крупного буржуазного компаративиста первой половины XX в., языковеда, внесшего самостоятельный вклад в изучение почти всех групп индоевропейских языков.

*Б. Горнунг.*

---

<sup>1</sup> Институт языкознания АН СССР готовится к изданию коллективный труд «Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков».

## ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Когда Альф Соммерфельт сообщил мне, что Институт сравнительного изучения культур («Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning» — большое учреждение, недавно созданное в Христиании (ныне Осло) по инициативе проф. Фр. Станга) приглашает меня принять участие в цикле лекций, знаменующем его открытие, я с радостью согласился.

Молодой ученый, передавший мне это приглашение, работал в течение нескольких лет — в годы великой войны <sup>1</sup> — вместе с французскими лингвистами и стал другом всех членов нашей небольшой группы. Я был счастлив вновь увидеть его и вновь, пусть недолго, поработать вместе с ним в его родной стране, где языкознание столь многим обязано ему.

Я рад был принять участие в создании нового учреждения, обещающего приумножить достижения гуманитарных наук. Немало уже сделано на основе фактов, находящихся в распоряжении ученых, но эти материалы уже исчерпаны. Пора начать обширные систематические исследования, которые дадут новый материал и позволят расширить и углубить принятые в настоящее время теории. С другой стороны, очень важно установить контакт между всеми учеными, занимающимися изучением человека и различных сторон его культуры, ибо нельзя понять язык, не имея представления об условиях, в которых живет народность, говорящая на этом языке; и, конечно, нельзя по-настоящему понять ни религию, ни общественный уклад людей, не зная их языка. Объединенная тематика нового института отражает единство изучаемого им объекта, а именно, человека. Можно только пожелать, чтобы подобные учреждения были

---

<sup>1</sup> Первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг.

созданы и в других странах и обеспечены достаточными средствами, необходимыми для ведения исследовательской работы.

Тема, избранная мною (и согласованная с организаторами) для этих лекций, — как раз одна из тех, над которыми настало время поразмыслить. После того как в течение четверти столетия из принципов, установленных в 1875—1880 гг., были извлечены все выводы, какие из них можно было извлечь, историческое языкознание вновь пришло в состояние брожения. Новые способы исследования дали неожиданные результаты. Никогда еще не затрачивалось столько усилий, чтобы подвести все языковые изменения под «законы» и даже под «всеобщие законы»; никогда еще не пытались так пристально рассматривать самые частные явления языка, проникать в самую душу людей — создателей языковых новшеств. Исследовались и древнейшие языки, изменения которых представляются нам в виде формул, и современные говоры, основные закономерности которых тонут в массе конкретных фактов; в результате накопилось множество самых разнообразных фактов. Языкознание установило тесную связь со всеми смежными дисциплинами, которые могут ему что-то дать. Развивается, хотя и очень медленно, историческое изучение неиндоевропейских языков; однако методы, успешно применявшиеся при исследовании индоевропейских языков, не всюду одинаково пригодны. Приходится задуматься над методикой исследования, проверить правильность наших методов и попытаться, не снижая требований четкости и точности, распространить их на новые обширные области.

Пересмотреть методику тем более необходимо, что в последнее время многие языковеды выдвинули плохо обоснованные гипотезы. Новых этимологий очень много, но большинство их такого рода, что в них невозможно усмотреть даже начала какого-нибудь доказательства. Совершенно бесполезно подвергать их детальной критике, пока нет договоренности об условиях, совокупность которых обеспечивает правильность этимологического сопоставления. Тому, кто признает основательность изложенных здесь принципов, выдвинутых за последнее время, большинство запутанных гипотез относительно доиндоевропейского состояния или индоевропейских этимологий, не покажется заслуживающим рассмотрения. В этих лекциях нет места для полемики, но они подразумевают критическое отношение



ко многим новым трудам, не отвечающим требованиям строгого метода.

Автор не ставит перед собой задачи излагать здесь новые идеи. Он желает лишь точно определить те условия, при которых сравнительный метод может и должен применяться в историческом языкознании. Автор будет вполне удовлетворен, если читатель точно уяснит себе как значение, так и границы применения этого метода.

Развиваемые здесь мысли зафиксированы в письменной форме лишь после того, как были изложены устно. В окончательной редакции этих лекций учтены все замечания и, в особенности, замечания Соммерфельта, за которые я весьма признателен ему.

Мне хотелось бы — несбыточные мечты, — чтобы доклады эти нашли у широкого круга читателей столь же снисходительный и благожелательный прием, какой они встретили в Христиании.

А. М.

Христиания (Осло), сентябрь, 1924.

## 1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО МЕТОДА

Сравнение может применяться для достижения двух различных целей: чтобы обнаружить общие закономерности или чтобы добыть исторические сведения. Оба вида сравнения совершенно закономерны и весьма различны.

Сказки о животных встречаются повсюду; сходство некоторых животных с человеком так очевидно, что вполне закономерно приписывать животным поступки, присущие людям, и тем самым выражать то, что не так просто выскзать прямо. Эти сказки можно сравнивать между собой, чтобы определить их формы, характер, сферы применения и создать таким образом общую теорию сказок о животных. Соответствия, которые устанавливаются при этом, проистекают из общечеловеческих свойств, а различия — из разнообразия типов и различия в уровне цивилизации. Таким путем можно узнать кое-что о характерных, общих для человечества чертах, но ничего нельзя узнать об его истории.

Если же рассматривать (вместе с молодым французским ученым Дюмезилем) индоевропейские мифы о напитке бессмертия, то получатся иные результаты. Мысль о напитке, который может давать бессмертие, слишком естественна, чтобы принадлежать лишь одному народу. Но когда у различных народов, говорящих на индоевропейских языках, обнаруживается, в более или менее полных версиях, миф о напитке бессмертия, сваренном в огромном чане, причем к нему присоединяется история невесты-изменницы и легенда о борьбе между богами и демоническими существами, то такая совокупность отдельных мотивов, внутренне никак не связанных, не может появиться случайно.

Если бы мысли, выражаемые в языке, были по своей природе более или менее тесно связаны со звуками, которые

их обозначают, т. е. если бы лингвистический знак самой своей сущностью, независимо от традиции, вызывал так или иначе определенное понятие, то единственным нужным языковеду типом сравнения был бы общий тип, и какая бы то ни было история языков была невозможна.

Однако в действительности языковый знак произволен: он имеет значение только в силу традиции. Если по-французски единичность выражается словами *un, une*, а двойственность — словом *deux* и т. д., то это происходит не потому, что слова *un, une, deux*, и т. д. сами по себе имеют какое-то отношение к единичности, двойственности и т. д., но исключительно в силу обычая, усваиваемого от говорящих теми, кто учится говорить.

Абсолютно произвольный характер речевого знака обуславливает применение сравнительного метода, который рассматривается в этой книге.

Возьмем французские, итальянские и испанские числительные и расположим их в ряд.

Французский	Итальянский	Испанский
<i>un, une</i>	<i>uno, una</i>	<i>uno, una</i>
<i>deux</i>	<i>due</i>	<i>dos</i>
<i>trois</i>	<i>tre</i>	<i>tres</i>
<i>quatre</i>	<i>quattro</i>	<i>cuatro</i>
<i>cinq</i>	<i>cinque</i>	<i>cinco</i>
<i>six</i>	<i>sei</i>	<i>seis</i>
<i>sept</i>	<i>sette</i>	<i>siete</i>
<i>huit</i>	<i>otto</i>	<i>ocho</i>
<i>neuf</i>	<i>nuove</i>	<i>nueve</i>
<i>dix</i>	<i>dieci</i>	<i>dies</i>
<i>vingt</i>	<i>venti</i>	<i>veinte</i>
<i>trente</i>	<i>trenta</i>	<i>treinta</i>
<i>quarante</i>	<i>quaranta</i>	<i>cuarenta</i>
<i>cent</i>	<i>cento</i>	<i>ciento</i>

Подобные соответствия не могут быть случайными; они не случайны уже потому, что отличия одного языка от другого подчиняются определенным правилам соответствий: так, различие между *huit, otto* и *ocho* на первый взгляд велико, но оно не случайно, поскольку имеется целый ряд подобных соответствий, например, франц. *puit*, ит. *potte*, исп. *posche* «ночь»; или франц. *cuit*, ит. *cotto* «вареный»; точно так же: франц. *lait*, ит. *latte*, исп. *leche* «молоко»; франц.

fait, ит. fatto, исп. hecho «факт» и т. д. Очевидные соответствия указывают путь, но следовать по нему можно, лишь строго соблюдая правила фонетических соотношений.

Нередко случается, что правильность пути, на который увлекло исследователя явное сходство слов, подтверждается какой-либо своеобразной чертой. Весьма важно, например, что числительное «один» имеет формы двух родов: мужского и женского, чего нет у других числительных.

Это позволяет нам предположить, что числительные французского, итальянского и испанского языков восходят к одной и той же первоначальной традиции. В подобных случаях, как показывает опыт, возможны два типа традиции: либо все три рассматриваемые группы восходят к одному общему источнику, либо две из них заимствовали формы третьей. В данном случае вторая гипотеза исключается, потому что невозможно вывести формы ни одного из трех языков из форм другого. Франц. huit «восемь» не может происходить ни из ит. otto, ни из исп. ocho; точно так же ит. otto не восходит ни к франц. huit, ни к исп. ocho, а исп. ocho нельзя вывести ни из франц. huit, ни из ит. otto. Таким образом доказывается, что французские, итальянские и испанские числительные имеют один общий источник, который не является ни французским, ни итальянским, ни испанским.

В избранном нами примере соответствия так многочисленны и абсолютны, а закономерность этих соответствий столь легко уловима, что они бросаются в глаза даже непосвященным, и для того чтобы убедиться в их доказательной силе, не нужно быть языковедом. Соответствия окажутся менее явными, а закономерности их труднее установить, если рассматривать языки более далекие во времени и в пространстве, как, например, санскрит, древнегреческий (его аттическое наречие), латинский и классический армянский.

	скр.	атт. гр.	лат.	арм.
«один»	ékaḥ, ékā, ékaṁ	εἷς, μία, ἓ	ūnus, ūna, ūnum	mī

(санскрит, греческий и латинский имеют для числительного «один» по три формы: м., ж. и ср. родов; в армянском грамматического рода нет).

	скр.	гр.	лат.	арм.
«два»	d(u)vā	δύο	duo	erku

(Это числительное, а также «три» и «четыре» приводится для языков, имеющих грамматический род, только в форме мужского рода.)

	скр.	гр.	лат.	арм.
«три»	tráyaḥ	τρεις	trēs	ereġ
«четыре»	catvāraḥ	τέτταρες	quattuor	çork
«пять»	pāñca	πέντε	quinque	hing
«шесть»	ṣaṭ	ἕξ	sex	vec
«семь»	saptá	ἑπτά	septem	ewt'n
«восемь»	āṣṭā	ὀκτώ	octō	ut'n
«девять»	nāva	ἐννέα	novem	inn
«десять»	dāśa	δέκα	decem	tasn

Если (за исключением числительного «один») соответствия между греческим и латинским и даже санскритом в достаточной мере очевидны, то соответствия армянского с этими языками не так заметны.

Однако при более внимательном рассмотрении фактов армянского языка можно убедиться в доказательности и этих соответствий.

Так, арм. егки «два» не походит на лат. duo и пр., но иные соотношения показывают, что арм. егк- может соответствовать \*dū- других языков. Например, в греческом для выражения понятия страха используется корень dwi-, в армянском же — егкі- (егкіwł- «страх»); если в греческом понятие «долго» передается словом *δφάρου* (старое прилагательное), то в армянском существует прилагательное егкар «длинный» (см. ниже, стр. 32—33). Следовательно, данное соотношение можно свести к закономерному соответствию: древнее \*dū- дает в армянском егк-.

Когда числительное «два» является первым компонентом сложного слова, оно имеет форму dwi- в греческом и форму егкі- в армянском. Таким образом, существование этого своеобразного соответствия подтверждается целой группой примеров и не вызывает никаких сомнений (см. ниже, стр. 91).

Армянские формы егеġ и çork далеки от греческих *τρεις* и *τέτταρες*; но и они отчасти подтверждаются сходными соответствиями. К тому же обнаруживается характерная черта: как в санскрите и греческом числительные «три» и «четыре» имеют падежные формы обычного типа, но остальные числительные начиная с «пяти» уже не изме-

няются, так и в армянском числительные «три» и «четыре» склоняются нормально, имея, например, в именительном падеже мн. ч. окончание *k-*, отсутствующее у остальных числительных.

Отсюда видно, что хотя на первый взгляд соответствия между формами числительных санскрита, греческого, латинского и армянского языков менее очевидны, чем соответствия числительных французского, итальянского и испанского языков, они, по существу, также достоверны.

Эти соответствия, которые нельзя объяснить заимствованиями из одного языка в другой, предполагают их общее происхождение. Но их надо еще систематически истолковать; в этом и состоит задача сравнительно-исторического языкознания.

### Необходимость метода

Способ работы, с принципом которого мы только что ознакомились, может показаться сложным и трудно применимым, но иного метода для построения истории языков не существует.

История языков никогда не строится на основании ряда текстов, расположенных в хронологическом порядке. Языковед пользуется древними текстами лишь для того, чтобы описать различные состояния языка. Само собой разумеется, что факты всех древних языков можно установить только при помощи текстов. Аттический греческий, готский, классический армянский и старославянский равно изучаются по памятникам письменности. При условии критического истолкования, эти памятники дают немало, что нередко позволяет получить точную картину состояния древних языков на определенных этапах их развития. Однако такое изучение дает возможность определить состояние языка лишь в известный момент и в известных условиях. Исследование текстов — это суррогат непосредственного наблюдения, которым приходится пользоваться, когда последнее невозможно.

Даже в лучших случаях письменность далеко не точно регистрирует последовательные изменения в устной речи. Часто письменный язык закреплен, его формы от столетия к столетию почти не изменяются. Но даже и там, где он не совсем неподвижен, письменная традиция в значительной мере определяется формами предшествующих эпох, не всегда известными исследователю.

Воспользуемся классическим примером латинского языка. Между письменной речью Плавта и св. Августина есть мелкие различия, но написание почти не меняется, грамматические формы и большая часть словарного состава остаются неизменными. Филологи приложили немало усилий, чтобы обнаружить различия между разными исторически определенными периодами латыни. Они подходили к этим изысканиям со всей щепетильностью и точностью, на какие способен грамматист. Им удалось, правда, установить некоторые мелкие различия, но они обусловлены, главным образом, различиями литературных жанров: комедия Плавта, предназначенная для широкой публики, не может сравниваться ни с речами Цицерона, ни с военными отчетами такого пуриста, каким был Цезарь. Язык эллинизированной поэзии не похож на язык прозы. Язык каждого писателя также имеет свои особенности. Но по существу был только один латинский язык, на котором писали и которому обучали в школе. Только сравнение дает возможность из форм, засвидетельствованных в письменных текстах, выбрать те, которые имеют значение для последующей истории языка. Так, «ухо» обозначается в латинских памятниках словом *auris* и производным от него *auricula*. Из древнелатинских текстов невозможно узнать, какая форма восторжествует в дальнейшем. Общепринято было *auris*, однако формы романских языков — франц. *oreille*, ит. *orecchia*, исп. *oreja* — восходят к *auricula*. Таким образом, только сравнение французского с итальянским, испанским, и т. д. указывает нам на то, какая форма этого слова послужила основой для форм романских языков.

С другой стороны, продолжал развиваться не тот язык, на котором писали. Между литературным латинским языком, сохранявшимся в произведениях писателей, и разговорной латынью, продолжением которой являются романские языки, существовали расхождения, неодинаковые у разных людей, у людей разного культурного уровня. Романские языки не являются продолжением литературной латыни. На языке латинской письменности «рот» назывался «*os*», уцелело же разговорное слово «*бисса*». И так было во множестве случаев.

Непрерывность наблюдения не обеспечена даже там, где тексты, относящиеся к различным эпохам, представляют последовательные этапы в развитии языков. Существенные изменения, определившие переход от древнего латинского

типа к романскому, произошли в период, отделяющий последние памятники письменной латыни от первых памятников романских языков. У людей, писавших по-латински в это время, т. е. в III—X вв. н. э., встречалось, несомненно, немало форм, ошибочных с точки зрения классической латыни и принадлежащих уже совсем другому — живому языку; оценить значение этих отклонений и найти в них следы лингвистических процессов можно лишь при условии знания романских языков. Латинские тексты III—X вв. (от эпохи римской империи до эпохи империи каролингов), написанные людьми недостаточно грамотными, которые допускали ошибки против норм классической латыни, позволяют внести некоторые уточнения в сравнительную грамматику романских языков, особенно в хронологию явлений, но эти ценные указания важны лишь постольку, поскольку они используются для сравнения; не будь сравнения, они утратили бы свое значение. Если бы романские языки умерли, не будучи зафиксированы в письменности, мы только заметили бы, что классическая латынь искажается, но не могли бы получить сколько-нибудь четкого и полного представления о совершившихся изменениях. Все самое существенное в языковых изменениях остается вне нашего поля зрения.

История персидского языка представляет еще более разительный пример. Персидский язык эпохи Дария и Ксеркса известен нам (правда, далеко не полностью) по монументальным надписям этих царей. Затем с V в. до н. э. мы не имеем никаких сведений о персидском языке вплоть до III в. н. э., когда мы встречаемся с «пехлеви».

Но, во-первых, пехлеви вовсе не является, как считалось до недавнего времени, продолжением говора, зафиксированного в надписях Ахеменидских государей; как указывал я сам и как доказал еще более точно и полно Тедеско, пехлеви сассанидской эпохи, являясь предком литературного персидского языка, обладает некоторыми чертами, отличающими его от персидского языка Ахеменидов. Нельзя поэтому утверждать, что в данном случае языковед имеет дело с традицией одного и того же языка; он наблюдает два наречия, относящиеся к разному времени, очень близкие по типу, но не тождественные.

Во-вторых, между персидским языком Ахеменидских надписей и сассанидским языком лежит этап развития не меньший, чем тот, который отделяет древнюю латынь от



романских языков. В этот промежуток персидский язык изменил свой характер. Как и в латинском, самые существенные изменения произошли вне поля зрения историка. Языковед располагает знанием двух глубоко различных состояний языка; чтобы построить историю языка, нужно восстановить промежуточный период. Сравнение различных современных иранских говоров помогает восстановлению, но оно дает лишь указания, а не положительные данные.

Вообще, история языков создается лишь путем сравнения состояния языка в различные периоды. Дело в том, что факты, обнаруживаемые в памятниках разных эпох, даже в тех редких случаях, когда пишущие следовали более или менее полно разговорному языку своего времени, почти всегда незначительны, по сравнению с крупными языковыми процессами, которые происходили, не будучи никем отмечены. Чтобы определить прошлые этапы языка, языковед должен пользоваться самыми точными и проверенными данными филологии; каждое новое достижение в области филологической точности обеспечивает новый успех. Тесная и все более укрепляющаяся связь, которая, к счастью, установилась между филологами и компаративистами, необходима для того, чтобы языковед мог воспользоваться всеми имеющимися фактами, фактами достоверными, собранными с величайшей тщательностью. Но сама по себе, филология неспособна даже начать историю языков.

Сравнение — вот единственное орудие, которым располагает языковед для построения истории языков. Наблюдению доступны лишь результаты изменений, а не сами изменения. Следовательно, за развитием языков можно проследить и следят лишь путем сопоставления результатов.

Как мы убедимся в дальнейшем, эти сопоставления строги и точны. Все они исходят из того положения, что определенные соответствия, существующие между различными языками, отнюдь не обусловлены общечеловеческими свойствами, но могут быть объяснены лишь при допущении существования конкретной исторической традиции.

Такова сущность сравнительного метода. Чтобы оценить доказательную силу сопоставлений, надо только никогда не терять из виду это условие.

## II. ОБЩИЕ ЯЗЫКИ

Из положения, что только сравнительный метод дает возможность построить историю языков, следует также и то, что изолированный язык лишен истории. Баскский язык XVI в. отличается от современного баскского языка, но отличия столь несущественны, что язык в основном остался тем же. Если не найдется способа сблизить баскский язык с каким-нибудь другим языком, нельзя будет и надеяться построить когда-либо его историю. Если же окажутся удачными предпринимаемые Н. Марром и К. Оштиром, с одной стороны, и А. Тромбетти, с другой, попытки сблизить баскский язык с большой группой языков Средиземноморского бассейна, в особенности с кавказскими языками, то баскский язык перестанет быть обособленным и войдет в историю.

### Восстановление

Для всех групп языков, установленных и систематически исследованных в настоящее время, средством для их группировки является допущение первоначального «общего языка» («Ursprache», как говорят немцы). Частные сближения еще ничего не дают; ведь каждый языковый факт является частью неразрывного целого. Не следует сопоставлять один частный случай с другим частным случаем; надо сопоставлять одну языковую систему с другой. Конечно, не всегда возможно полностью воссоздать язык путем сравнения; нельзя даже утверждать а priori, что во всех случаях надо воссоздавать единый первоначальный язык (проблема «смешанных» языков будет рассмотрена ниже), но если сравнение проведено полностью, оно приводит к восстановлению первоначального языка.

Каково значение такого восстановления? Почти никогда не удается сопоставить реконструкцию с известной нам реальностью. Но в одном случае это возможно: имеются в виду романские языки. И вот, оказывается, что тот общий язык, к которому мы приходим путем сравнения романских языков, далеко не похож на тот латинский, который существовал в период отделения друг от друга языков, являющихся продолжением латыни. Если бы мы знали о латинском только то, что можно найти в романских языках, то для нас осталось бы, например, неизвестным старое будущее типа *atabo* и типа *dīcam, dīces*. А главное, мы не имели бы никакого представления о склонении: если до XIII в. галло-романские языки отличают еще в мужском роде именительный падеж от косвенного, то в других романских языках нет даже и этого различия. С конца XIII в. существительные во всех романских языках изменяются лишь по числам. А между тем в период распада Римской империи склонение существовало и играло еще важную роль. Таким образом, если сравнение романских языков и сообщает нам многие данные, которые согласуются с реально засвидетельствованными фактами, как, например, в области спряжения, то все же оно далеко не в состоянии обеспечить подобный материал для всего языка. Некоторые пережитки, интересные для того, кто знаком с древней формой, останутся непонятными для языковеда, который располагает только данными сравнения: в носовой гласной франц. слова *gép* можно видеть пережиток старого винительного падежа, если известно, что характерным окончанием винительного падежа в латыни было *-m*; но романист, который пользовался бы только сравнением, не имел бы никакой возможности узнать в *gép* древнюю форму винительного падежа — *gēm*. Как видим, «восстановление» дает, без сомнения, неполное и, чаще всего, весьма неполное представление о «первоначальном общем языке».

Дело в том, что языки, развившиеся из одного и того же «общего языка», сохраняют не только определенные древние черты, но и устойчивую склонность к тождественным либо сходным новообразованиям. Вследствие этого некоторые элементы общего языка исчезают бесследно или оставляют следы столь слабые, что их нельзя заметить, если «общий язык» фактически не известен.

Во всех романских языках склонение имен существительных, которое было весьма существенным элементом в

древней латыни, исчезло очень рано. Исчезновение это произошло в каждом языке самостоятельно, о чем свидетельствуют галло-романские говоры, дольше других сохранившие остаток склонения в виде противопоставления именительного падежа косвенному, и, в свою очередь, утратившие этот пережиток к концу XIII в.

Во всех романских языках исчез конечный носовой латинского винительного падежа: так, французские *terre*, *goi* не сохраняют и следа конечного носового латинских форм *terram*, *regem*. Носовой звук удержался лишь в ударном односложном *gen*, давшем франц. *rien*.

Но если многочисленные и важные параллельные новообразования мешают компаративистам добиться полного восстановления, то все же в основе реконструкции лежит справедливая теория. Так, постоянство, с каким конечный *-m* отмечается в латинской письменности классического периода, не дает точного представления о действительности. Этот конечный носовой произносился слабо. В древнейших памятниках он часто не отмечается. В поэзии конечный *-m* не препятствует элизии гласной: по правилам латинской просодии слог *-am* в *terram* элидируется перед последующим гласным совершенно так же, как *-a* в *terra*. Отсутствие конечного *-m* в романских языках объясняется слабостью этого звука в латинском языке, который продолжал, однако, обозначаться в письменности классической латыни.

Впрочем, для того, кто собирается изучать романские языки, безвозвратно исчезнувшие черты латинского языка представляют мало интереса. Полезны и важны для него элементы, послужившие для образования в этом языке новых форм. Реконструкция не восстанавливает латинский язык таким, каким он был в жизни; никакая реконструкция не сможет представить «общий язык» таким, каким он был в живой речи. «Восстановление» Шлейхером индоевропейского праязыка при помощи исторически засвидетельствованных языков этого семейства было гениальным нововведением; но составление текста на этом реконструированном языке было грубой ошибкой. Сравнение дает систему сопоставлений, на основании которой можно построить историю языковой семьи; однако это сравнение не дает нам реального языка со всеми присущими ему выразительными средствами.

## Промежуточные общие языки

Между первоначальным «общим языком», восстановленным при помощи сравнения, и языком, фактически засвидетельствованным, могут оказаться один или несколько промежуточных «общих языков». Так, например, между индоевропейским языком, с одной стороны, и романскими языками — с другой, находится большой «общий язык» — «общероманский», который принято называть «народной латынью». Точно так же, между индоевропейским языком, с одной стороны, и готским, древневерхненемецким, древнеанглийским и древнескандинавским языками — с другой, существовал другой «общий язык» — «общегерманский», фактически не засвидетельствованный, но предполагаемый всей совокупностью систематических новообразований. Эти промежуточные этапы весьма облегчают исследование.

Объяснение языковых фактов французского, итальянского, испанского, португальского, румынского языков оказалось бы крайне неполным, а чаще всего невозможным, если бы романисты исходили лишь из индоевропейского праязыка, не располагая промежуточным этапом «общегерманского языка».

Когда нет в распоряжении таких этапов, возникают серьезные трудности. Трудно приходится романистам, когда они сталкиваются с галло-романскими или итальянскими диалектами. Ведь не было ни «общего галло-романского», ни «общейталийского» языка. В результате этого приходится сравнивать каждый галло-романский или итальянский диалект непосредственно с «общероманским», без промежуточных звеньев. Конечно, в говорах севера Франции, например, есть немало общих черт, самые характерные из которых обнаруживаются и в литературном французском языке, основанном на парижском говоре. Но, со времени разделения романских наречий, каждое из них имело свою собственную историю. Поэтому романисты, изучающие галло-романские или итальянские диалекты, вынуждены либо вновь исследовать для каждого диалекта всю историю того типа, к которому он относится, либо допускать в какой-то мере произвольные упрощения. Были попытки выйти из этого затруднения; в частности, заслуживает внимания работа Оскара Блока над вогёзскими диалектами (область Ремиремон). Но никакие ухищрения не помогут избежать этого затруднения.

Объяснение фактов намного облегчается, когда имеются промежуточные общие языки. Но ими не всегда можно воспользоваться. Так, известно, что между индоевропейским и латынью было две промежуточных языковых общности: «итало-кельтская» и «италийская» (распавшаяся потом на латинскую и оскско-умбрскую). Однако период итало-кельтской общности дает крайне мало: он был настолько кратковременным, что в нем не успели произойти многочисленные и глубокие новообразования. Едва ли больше дает и период италийской общности, так как оскско-умбрский известен лишь в незначительных отрывках.

Для каждого языка постановка проблемы восстановления первоначального «общего языка» отличается своими особенностями. В каждом случае следует учитывать особые условия.

«Общий язык» предполагает общую цивилизацию. Только в том случае, когда одно наречие распространяется на территории, где ранее оно не встречалось, можно говорить о наличии «общего языка». Может случиться, что этот общий язык, занесенный завоевателями или переселенцами, никогда не будет усвоен коренным туземным населением, которое либо эмигрирует, либо исчезает, что происходило, например, при распространении английского языка в Северной Америке. Бывает, что люди, принесшие новый язык, смешиваются с туземцами, которые, несмотря на малочисленность завоевателей, принимают язык последних: так было с испанским и португальским в некоторых областях Центральной и Южной Америки. Как бы то ни было, язык распространяется, лишь когда он является носителем культуры, внушающей уважение. Иногда распространение языка полностью обусловлено превосходством культуры: так, ионийско-аттическое койне вытеснило все другие греческие говоры, так как его носители были наиболее типичными представителями эллинской цивилизации.

Латынь внедрилась во всей западной части римской империи благодаря тому, что она несла с собой культуру более высокую, чем культура народов, покоренных Римом. В восточной части империи, где греческий язык обслуживал более древнюю и, — по крайней мере в интеллектуальном отношении, — более высокую культуру, латынь не укоренилась. В Галлии аристократы стали изучать латынь сразу же после покорения страны римлянами, и уже к началу эпохи империи культура Галлии была полностью латинизиро-

вана. Однако это обстоятельство не повлекло за собой исчезновения галльского языка: народ еще долго говорил на родном языке. Галльские горшечники, работавшие в мастерской, раскопанной в южной Франции, говорили еще на галльском языке: грамматический строй их речи был галльским, галльскими были числительные; но все, относящееся к цивилизации, например, имена собственные, названия изготавливаемых сосудов, уже не было галльским<sup>1</sup>. Только престиж более высокой культуры приводит к тому, что население меняет свой язык.

Это превосходство не обязательно должно быть материального порядка; оно может состоять в общественном строе, наиболее соответствующем потребностям данной эпохи и области. Нет оснований предполагать, что народ, языком которого был «общий индоевропейский», располагал материальными средствами, превосходившими материальные средства его соседей, что он, например, опередил других в земледелии или обработке металлов. Древние индоевропейские племена отличались чувством общественной организации, энергией и инициативой своей социальной верхушки. Общественная организация индоевропейцев не имела централизованной власти. Глава каждой большой семьи был полным ее господином. Вождь каждого племени был независим. Между племенами заключались лишь временные и неустойчивые союзы. Повсюду древние этнические группы носителей индоевропейских языков жили автономными племенами, состоящими из семей, вся власть в которых принадлежала *pater familias* (отцу семейства). Каждый греческий город, как и галльские или германские общины, был маленьким независимым государством. Когда какому-нибудь вождю удавалось объединить вокруг себя предприимчивых людей, он отправлялся в такие места, где можно было жить независимо. Колонизация средиземноморского побережья древними греками, как и колонизации викингами Исландии, Англии, Нормандии и даже Сицилии (С. Бугге, обладающий острым чутьем действительности, уже сблизил оба эти движения), являются блестящими примерами стремления к независимости и приключениям. Индоевропейская народность в течение долгого времени состояла из небольших групп, повидимому, сохранявших чувство своей общности,

---

<sup>1</sup> По этому вопросу см. замечания Ж. Вандриеса в «Bulletin de la Société de linguistique», XXV, стр. 39 и сл.

а когда общее единство индоевропейского мира было нарушено, образовались новые народности того же типа, имеющие также свое единство. Так, например, в Азии широко распространилась индо-иранская группа (туземное имя ее *ārya*); в XIII в. она проникает в Каппадокию, ассиро-вавилоняне сталкиваются с ней в Мидии. «Арийская» народность распространила свои завоевания за пределы Иранского плоскогорья, в Индию, на южное побережье Черного моря, и на Восток, до границ Китая, где у Великой китайской стены недавно были найдены согдийские тексты начала нашей эры.

Рассеиваясь таким образом и распространяя от крайних пределов Азии до крайних пределов Европы свой тип общественного строя и свой язык, индоевропейские народности потеряли чувство своего бывшего этнического и языкового единства. Новые этнические группы, возникшие в захваченных областях, также, в свою очередь, утратили прежнее единство. Арийский мир, германский мир, кельтский мир распались, как распался мир индоевропейский. Таким образом, мы подошли к современному миру, где почти в каждой стране есть свой «общий язык», который стремится вытеснить местные говоры. Таково современное положение вещей, которое не может продолжаться долгое время: множество «общих языков» в современной Европе, где, в сущности, наблюдается единство материальной и духовной культуры, является аномалией.

Каждый большой «общий язык» прошлого выражал, несомненно, культуру определенного типа. Вот почему большинство языков мира восходит лишь к ограниченному числу «общих языков». Трудно утверждать что-либо с уверенностью, пока не будут составлены сравнительные грамматики разных языковых семейств. В настоящее время, например, предполагают, что все негритянские языки Африки восходят к одному первоначальному языку. Было бы рискованным установление точных, постоянных, регулярных соотношений языковых и культурных областей. Но какое-то соотношение, безусловно, существует. В дальнейшем одна из задач изучения человека как раз и будет заключаться в том, чтобы связать общие языки с областями культуры. Некоторые характерные соотношения намечаются уже и теперь.



### III. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Чтобы установить существование древнего общего языка, надо отыскать специфические черты этого языка, поскольку они еще не исчезли, в сравниваемых языках. Для этого приходится исследовать, как функционируют различные элементы языка, ибо сохраняются они не в равной мере и неодинаково. Каждый язык содержит три системы, определенным образом связанные между собой, но способные изменяться в значительной мере независимо друг от друга: грамматику, звуковой состав и словарный состав.

Грамматика, иначе говоря совокупность приемов, при помощи которых изменяют и соединяют слова для построения фраз,— это наиболее устойчивая сторона языка. Следует, однако, различать здесь общие процессы и частные явления в изменении форм.

При общем рассмотрении морфологические типы мало-разнообразны. Основное различие между ними состоит в том, что в одних языках отношения между словами и различные функции слов выражаются особыми формами самих слов, тогда как в других языках те же отношения и функции выражаются добавочными элементами — частицами или служебными словами — и порядком слов. В первых языках, как принято говорить, имеется флексия. Это различие, впрочем, не абсолютно; встречаются и смешения разных типов в разных пропорциях.

Хотя тот или иной грамматический тип употребляется часто на протяжении длительного времени, а следы его сохраняются даже тогда, когда самый тип вообще начинает исчезать, почти невозможно использовать эти общие типы для установления «родства языков», ибо нередко случается, что с течением времени данный тип в большей или меньшей степени исчезает, что видно из истории индоевропейских языков.

Общий индоевропейский язык представлял максимально четко выраженный «флективный» тип. Все функции слов, все связи между словами выражались различиями в форме самих слов. В санскрите, где особенно хорошо сохранился этот характер «общего индоевропейского» языка, «я есмь» передается формой *ásmi* «они суть» — *sánti*, «он был» — *ása*, и т. д. Если слово «отец» является подлежащим, оно имеет форму *pitā*, если оно становится прямым дополнением, то получает форму *pitāgam*; когда же это слово служит дополнением к существительному, оно имеет форму *pitūh*. Как видно, между формами одного и того же слова существуют большие различия, и посредством этих различий определяется роль слова в предложении. Языки индоевропейской группы, даже наиболее изменившиеся, до сих пор сохраняют некоторые черты этого древнего типа. Во французском языке, например, существительное стало неизменяемым (-s множественного числа существует только в графике), однако в глаголе имеется еще значительная доля флексий: характерны различия между *aime* и *aimez*, *j'aimeis* и *pous aimions* и особенно между *je veux*, *pous voulons*, *je voudrais*, *j'ai voulu* и т. д. Однако общая структура современного французского языка совершенно отлична от структуры индоевропейского. Еще более отличается от структуры последнего структура английского языка. В наши дни, безусловно, уже нельзя назвать «флективными» романские языки, большинство германских, иранские. Даже наиболее консервативные из индоевропейских языков представляют совсем иной тип, чем общий индоевропейский язык. Структуры современных живых индоевропейских языков не только весьма отличаются от структуры общего индоевропейского, но еще более отличаются друг от друга. Поэтому нельзя причислять язык к индоевропейской семье на основании общих признаков его грамматической структуры.

Общий индоевропейский язык пользовался суффиксацией: грамматические элементы, присоединявшиеся к части слова, выражающей его значение, ставились всегда после нее. Так, в латыни, где этот способ оформления слова хорошо сохранился, отличительные признаки именительного и винительного падежей множественного числа *-ēs*, родительного падежа множественного числа *-um* ставились после *patr-*: *patr-ēs* «отцы», *patr-um* «отцов». Во французском языке, напротив, наблюдается тенденция к префиксации. Латинский язык различал формы *amō*, *amās*, *amat* по их оконча-

ниям; французский язык различает *j'aime, tu aimes* (с чисто графическим -s), *il aime* по элементам *je, tu, il*, именуемым «местоимениями» в традиционной грамматике, но не имеющим самостоятельного существования и представляющим собою в настоящее время лишь чисто грамматические знаки, стоящие перед словом. И в этом отношении французский язык отличается от индоевропейского языка.

Итак, родство языков отнюдь не устанавливается на основании таких общих структурных черт, которые могут измениться коренным образом в течение нескольких столетий и допускают лишь немногочисленные вариации. Тот, кто сравнил бы латинский язык, где в выражении *liber Petri* или *Petri liber* (возможен любой порядок слов) отношение между «Петром» и «книгой» обозначено формой собственного имени *Petri* (им. — *Petrus*, вин. — *Petrum* и т. д.), с французским языком, где отношение между именем существительным и его дополнением выражается стоящей перед дополнением частицей *de* и местом сочетания *de Pierre*, тот не нашел бы, конечно, ничего общего в способах, употребляемых для выражения грамматических отношений между словами в этих языках.

Только конкретные формы выражения грамматических значений имеют доказательную силу для установления преемственности между «общим языком» и языком, развившимся из него.

Нередко, например, зависимость между двумя существительными передается частицей, стоящей либо перед словом, подобно французскому *de*, либо после него, подобно английскому *-s*. Но характерным является именно то, что эта частица имеет форму *de*, либо форму *-s*. Ведь если бы по традиции не установилось именно это обозначение, то данное грамматическое отношение могло бы быть выражено и любым другим звуковым комплексом. Итак, характерной особенностью французского языка является предшествующая дополнению частица *de*, а характерной особенностью английского — постпозитивное *-s*, выражающее те же грамматические отношения. Следует добавить, что употребление этих частиц может прекратиться в каком-либо из диалектов французского или английского языка, однако сами диалекты останутся французскими или английскими. Доказательную силу имеют только положительные факты.

Частные факты такого порядка бывают нередко устойчивы. Может измениться произношение, словарь, но эти черты

сохраняются. Так, в современных севернофранцузских говорах местное звучание слов приводится в соответствие с общепольским, словарь обновляется, и вообще, носители диалекта стремятся всячески следовать общепольским нормам. Дольше всего сохраняются местные морфологические особенности, например различие мужского и женского рода при помощи местоимений *i* и *a*: *i dit*, *a dit*, которым в общепольском языке соответствует *il dit*, *elle dit*. Эти мелкие особенности заучиваются с детства, входят в привычку и употребляются бессознательно; они сохраняются даже тогда, когда изменяется все остальное.

Поэтому гораздо легче установить родственные связи языка с богатой и сложной морфологией, обладающего большим количеством своеобразных частных черт, чем языка с бедной морфологией, обходящегося главным образом общими приемами, вроде порядка слов. Принадлежность конкретного языка к индоевропейской семье почти не требует доказательства; где бы ни был найден прежде неизвестный индоевропейский язык (новейшие случаи — «тохарский» и «хеттский» языки), его индоевропейский характер устанавливается сразу же, как только начинается расшифровка и толкование памятников. Наоборот, дальневосточные языки, например китайский или аннамский, почти не имеют морфологических особенностей. Поэтому лингвисту не на что опереться при попытках найти родственные им языки и тем самым восстановление общего языка, позднейшими формами которого являются китайский, тибетский и т. д., наталкивается на почти непреодолимые трудности.

Чем своеобразнее явления, совпадающие в двух языках, тем более доказательно само совпадение. Поэтому «исключения» больше всего помогают установить «общий язык».

Тот факт, что польские *il est*, *ils sont*, *je fus* соответствуют латинским *est*, *sunt*, *fuī*, доказывает, что польский язык является видоизменением латинского. Соответствия типа *je veux*, *nous voulons*, *je voulus* с *uolō*, *uolumus*, *uoluī*, или же типа *je dis*, *nous disons*, *dit* с *dīcō*, *dīcimus*, *dictus* подтверждают это. Таким образом, «неправильные» глаголы дают много дополнительных доказательств.

Прилагательные также подтверждают это родство. В самом деле, в прилагательных различается мужской и женский род, употребляемый произвольно в тех случаях, когда род не определяется полом. Это бессмысленное различие существует во польском языке, как и в латыни; например,

французским *veston neuf* «новый пиджак» и *veste neuve* «новая куртка» соответствуют в латыни *pouus* и *poua*. Оказывается даже, что в некоторых формах (артикли *la* и притяжательные прилагательные *ta, ta, sa*) женский род во французском обозначается при помощи *a*, как и в латинском языке.

Таким образом, чем больше в языке лишенных значения грамматических категорий и «неправильных» форм, тем легче языковеду установить родственные связи языков и восстановить «общий язык».

Первоначальная общность не всегда узнается только по сохранившимся формам; она часто обнаруживается в различных новообразованиях. Так, в индоевропейском языке был определенный тип сложной глагольной флексии, тенденция к исчезновению которого и замене его новообразованиями проявлялась повсюду. По этим-то новообразованиям, неодинаковым в разных языках, мы и узнаем о существовании этого типа глагольной флексии в прошлом. Так, например, в индоевропейском были формы настоящего времени *\*eiti* «он идет», *\*i-enti* или *\*ij-enti*, *\*i-onti* или *\*ij-onti* «они идут»; санскрит сохранил их в виде *éti*, *yánti*; древнегреческий (аттический) более изменил их по сравнению с санскритом: *ἔτι*, *ἰᾶσι* в латинском они изменились еще больше: *it*, *eunt*; сохранилась и древнелитовская форма единственного числа: *eĩti*. Все эти формы были слишком своеобразны; поэтому современный литовский язык заменил *eĩti* новообразованием стандартного типа — *eina*; в славянском языке с IX в. (у первых переводчиков) употребляется *идѣтъ*, *идѣтъ*. Новая литовская форма *eipù* и новая славянская *идѣ* по-своему отражают исчезновение древней формы.

В данном случае древняя форма сохранилась в некоторых языках, новообразования же других языков легко объяснимы. Но бывает, что древняя форма нигде не сохраняется, и тогда лишь отсутствие соответствий в деталях сопоставляемых форм позволяет предположить существование когда-то в прошлом особой формы, впоследствии исчезнувшей. Так, в индоевропейском, несомненно, была форма 3 л. ед. ч. наст. вр. *\*melati*, *\*molati* «мелет» (и мн. ч. — *\*m<sup>o</sup>lenti*, *m<sup>o</sup>lonti* «мелют»). Это трудное для употребления образование повсюду исчезло. Однако бывшее его существование подтверждается наличием в славянском формы *мелѣтъ*, в литовском — *malu*, в готском — *malij*, в ирландском — *melid* и в аналогичных формах, но только с иным вариантом

корневой гласной (maI-) в кельтских языках Британии и т. д. Индоевропейские формы нигде не сохранились, но мы реконструируем их на основе того, что нам известно о системе индоевропейского языка, а также на основе тех расхождений, которые удалось проследить в исторически засвидетельствованных языках.

Рассмотрение отдельных фактов не освобождает нас от необходимости изучать грамматическую систему в целом. Всякая грамматическая структура образует единую систему. Поэтому, на основании всех имеющихся соответствий, следует восстановить, насколько это возможно, систему «общего языка». Затем надо проследить, чем отличаются от нее грамматические системы (часто совершенно различные, как мы уже видели) языков, в которые преобразовался первоначальный язык, причем решающее значение будут иметь частные особенности. Но наше построение можно будет считать окончательно установленным лишь после того, как грамматические системы будут сопоставлены друг с другом и станет ясно, как совершался переход от первоначальной системы к позднейшим.

При этом нередко случается, что общие черты древней системы сохраняются очень долго. Так, в общеиндоевропейском языке, где каждая форма слова заключала в себе указание на синтаксическую функцию, имя четко отличалось от глагола. И вот, во всех индоевропейских языках до сих пор сохраняется четкое различие имени и глагола.

### Фонетическая система

Рассмотрение фонетического строя языка также предполагает сопоставление древней системы с новыми, так как все эти системы могут весьма существенно отличаться одна от другой.

Но различия между системами не бывают произвольными. Если часто не удастся обнаружить закономерные соотношения между какими-нибудь двумя языками общего происхождения, то соотношения между каждым из них, взятым в отдельности, и общим языком подчиняются твердым, четко формулируемым законам. Это так называемые «фонетические законы».

Индоевропейским p, t, k в германском соответствуют f, þ, χ (давшее затем h), а, в известных условиях, ð, ð, z; индоевропейским b, d, g соответствуют германские p, t, k;

индоевропейским bh, dh, gh соответствуют германские d, b, g (а в интервокальном положении ð, ð, ʒ). Эта закономерная система соответствий в германском языке называется «передвижением согласных» или законом Гримма. (Значительная часть этих соответствий была замечена Раском несколько ранее Гримма, но закон был сформулирован Гриммом.) Правильность соответствий между «общим языком» и развившимися из него языками обусловлена тем, что изменения в произношении затрагивают не отдельные слова или формы, а распространяются на систему звуков языка как таковую.

Сравнительно-исторический метод позволяет устанавливать закономерные соответствия между первоначальным языком и отдельными развившимися из него языками, но не между различными языками, продолжающими общий язык. Можно установить, что индоевропейское p в начальном положении представлено греческим и санскритским p и готским f (гр. πατήρ, скр. pitā, гот. fadar «отец») или что индоевропейское начальное k<sup>ч</sup> в положении перед o дает в греческом p, в санскрите k и в готском hw (гр. πρότερος, скр. katagāh, гот. hwarag «который из двух»). Эти реально наблюдаемые соответствия:

гр. p = скр. p = гот. f  
гр. p = скр. k = гот. hw

становятся понятны только при сравнении с формой общиндоевропейского языка, которую мы реконструируем именно для того, чтобы объяснить их.

Когда сравнивают языки одного семейства, принимают во внимание не сходство форм, а исключительно закономерности соответствий. Мы уже видели (см. выше, стр. 16), что армянское числительное егки «два» соответствует древнему индоевропейскому \*dwo (или \*duwo). Такое соответствие на первый взгляд кажется странным, тем не менее оно закономерно, так как в силу общего правила и.-е. d<sup>ч</sup>-соответствует арм. егк-. Так, это соответствие встречается еще в двух случаях: в индоевропейском был корень \*d<sup>ч</sup>ei- «бояться», широко представленный в языке Гомера как глагольными формами типа \*δεδφοα (в памятниках δειδω), \*δεδφοιξε (δειδοιξε) «боюсь», так и именными формами, например, δεφος (δεος) «страх». Этим греческим формам соответствуют армянские егкиwĭ «страх», егкеау «боюсь». Древнее прилагательное \*d<sup>ч</sup>āgo- «длинный» легко обнаружи-

вается в греческом, однако и в армянском существует прилагательное *egkağ* с тем же значением. Таким образом, наше правило опирается на три случая, которые подтверждают его в достаточной мере, если принять во внимание, что число индоевропейских слов, имеющих начальные \**dç-*, \**diç-*, чрезвычайно ограничено.

Это соответствие, к тому же, поддается объяснению. В армянском группа зубной *†w* дает задненёбный (так, *tw-* в армянском представлено *k-*; ср. арм. *ko* «тебя» и гр. *τφε* (атт. *σε*), глухой характер которого в данном случае объясняется армянским передвижением согласных, подобным германскому передвижению (звонкие взрывные *d* и *g* оглушаются в *t* и *k*). Появившийся перед *k* плавный *g* является отражением звонкости древнего *d*<sup>1</sup>. Этот *g*, в свою очередь, вызвал образование протетического гласного *e*. Так получилось *egki*. Начальное *g* не развивалось, если этот звук имелся уже в середине слова (ср. *kgkin* «двойной» < \**kiḡkin* или \**kiḡkin*). Итак, это странное соответствие армянского *egk-* древнему \**dç-* объясняется полностью структурой армянского языка. Соответствие, которое нельзя объяснить таким образом, будет недостоверным.

Если длинные ряды четких соответствий делают несомненной принадлежность входящих в эти ряды языков к одной семье, то, чтобы установить близость между некоторыми языками внутри данной семьи, можно воспользоваться и такими неочевидными соответствиями, как арм. *egk-* || \**dç-*, \**diç-* других индоевропейских языков, сопоставив, например, арм. *egk(i)-* с лат. *bi-*, как бы странно это ни казалось на первый взгляд. Само собой разумеется, что приступать к установлению общности языков невозможно с подобных сопоставлений. Начинать приходится слегка объяснимых соответствий.

Закономерность соответствий не исключает своеобразия развития. В предложении слова оказываются в разных позициях и в разных условиях. Закономерность развития зачастую проистекает из того, что устанавливается какая-то средняя форма между различными случаями, обусловленными разными положениями в предложении. Бывает, что быстро и небрежно произносимые формы становятся наиболее употребительными, чем и объясняется своеобразие

---

<sup>1</sup> Подробное объяснение см. у M. Grammont, *Mémoires de la Société de linguistique*, т. XX, стр. 252.



развития вспомогательных слов; такое сокращение, как др.-в.-нем. *hiu tagu* > *hiutu* «сегодня» (совр. нем. *heute*) не подходит ни под какую общую категорию.

Явления, которые нельзя подвести под общие формулы, не представляют затруднений в языке, история которого известна и для которого существуют твердо установленные правила соответствий. Само собой разумеется, что если язык недостаточно изучен теоретически, такие отклонения от нормы не могут быть использованы и временно их не следует принимать во внимание.

## Словарь

Словарный состав — самый неустойчивый элемент в языке. Слова могут исчезать по самым разнообразным причинам и заменяться новыми. В исконный словарный состав могут включаться новые слова, превышающие числом старые. Так, в английском языке на германский слой лексики наслонились элементы латинского и французского языков, не уступающие ему по объему. Бывает даже, что вся лексика относится к иной группе, чем грамматика; так обстоит дело в языке армянских цыган: грамматика и фонетика в их языке целиком армянские, а лексика — полностью цыганская.

Если слова и сохраняются, то они могут настолько изменить свое значение, что, несмотря на древнюю форму, становятся по существу новыми словами. Индоевропейское наименование главы семейства \**r̥ater*- сохранилось во французском языке — это совр. *père*. Но это слово в индоевропейском обозначало общественную функцию, т. е. словом \**r̥ater* можно было именовать высшее божество, как наивысшего из всех глав семейства. Французское же слово все чаще обозначает «родителя», как лат. *genitor*, и даже «самца» (так, самца кролика называют *père*). Таким образом, франц. *père*, будучи продолжением индоевропейского слова, отличается от него по значению и по существу является новым словом.

Несмотря на обычную неустойчивость словарного состава, все же именно лексические соответствия прежде всего бросаются в глаза при сравнении языков. Нередко исследователь располагает только лексикой, потому ли, что рассматриваемые языки мало изучены и других данных кроме словарных нет, потому ли, что их грамматика чрезвычайно

проста, как у дальневосточных языков, или по той причине, что дошедшие до нас морфологические категории сложились слишком поздно, уже после периода предполагаемой общности. Следовательно, весьма важно разобраться в том, каким образом можно доказать лексические соответствия.

Выше отмечалось уже, что этимологические сближения имеют значение лишь тогда, когда они основаны не на звуковом сходстве, а исключительно на закономерных звуковых соответствиях: если оказывается возможным сопоставить арм. *egki* с русск. *два*, то дело не в сходстве обеих форм — в их звуковом составе нет ничего общего, — а в закономерных соответствиях, допускающих такое сближение: индоевропейскому *ō* соответствуют славянское *a* и армянское *u*, а индоевропейское *du-* дает в русском *дв-* и в армянском *egk-*.

Нарушения соответствий, если их нельзя объяснить особыми условиями употребления данного слова, свидетельствуют о заимствовании из других языков или указывают на ошибочность этимологии. Древнелатинскому звукосочетанию *sa-* соответствуют во французском сочетания: *cha-*, *che-*, *chè-*, ср. *campum* > *champ*, *carum* > *char*, *caballum* > *cheval*, *carum* > *cher* и т. д. Отсюда ясно, что *camp*, сопоставляемое с *campum*, не принадлежит к старой французской традиции; и на самом деле, оно пришло из итальянского языка, причем известно даже, когда и почему оно было заимствовано. Герм. *b-* может соответствовать начальному лат. *f-*; например, лат. *flōs, flōris* || нем. *blume*. Следовательно, нем. *feuer* не имеет никакого отношения к франц. *feu*; достаточно припомнить слова, соответствующие франц. *feu* в других романских языках, например, ит. *fuoco*, исп. *fuego*, чтобы сходство *feu* с *feuer* отпало. Итак, сопоставлять слова можно только на основе закономерных звуковых соответствий, избегая того, что относится к заимствованиям.

К сожалению, трудно определить *a priori*, где можно найти исконные, а где заимствованные элементы. Глаголы и прилагательные чаще бывают исконными, чем существительные: такие современные французские глаголы, как *vivre* «жить» и *mourir* «умереть», *venir* «прийти» и *dormir* «спать», восходят еще к индоевропейским словам, как и прилагательные *vif* «живой», *vieux* «старый», *neuf* «новый» и т. п. Однако немецкий глагол сильного спряжения *schreiben* заимствован из лат. *scribere*. С другой стороны, во французском языке немало индоевропейских существительных,

например, *pied* «нога», *chien* «собака», *veuve* «вдова» и т. д. Велика опасность того, что слово окажется заимствованным, и этимолог, заранее готовый считать все подлежащие объяснению слова исконными, часто рискует ошибиться.

В тех случаях, когда мы имеем дело со словами, действительно восходящими к «общему языку», следует восстановить слово «общего языка» точно и в полном составе, не довольствуясь сопоставлением небольших корневых элементов. И так как этимолог рискует ошибиться, он должен удостовериться, путем строгой проверки, что обнаруженные соответствия не случайны.

Первое требование, принятое всеми, если не теоретически, то хотя бы в практической деятельности, состоит в точном применении правил фонетических соответствий и в допущении каких-либо отклонений от них лишь в том случае, когда эти отклонения вызваны совершенно определенными и несомненными конкретными причинами. Только при соблюдении этого условия этимология может считаться достоверной.

Само собой разумеется, что чем больше соответствующих друг другу звуковых элементов, тем меньше возможность случайных совпадений.

Не случайно, конечно, «вдова» в санскрите обозначается как *vidhāvā*, в славянском — *вѣдѡва*, в старопрусском — *wid-dewū*, в готском — *widuwo*, в ирландском — *fedb* и в латинском — *uidua*; ведь мы знаем, что ирл. *f*- и лат. *-u* (согласный) соответствуют начальному *v*- санскрита. Не может быть случайным повторение звуков *w*, *i*, *dh*, *v* или их соответствий в одном и том же порядке. Правда, между санскритской, славянской и древнепрусской формами, с одной стороны, и германской, ирландской, а также, конечно, и латинской — с другой, имеется различие: наличие гласного *e* (или *o*) между *dh* и *w* в первой группе языков и отсутствие этого гласного во второй. Но это различие не представляет затруднений, так как оно восходит к известным чередованиям гласных индоевропейского языка.

Если при подобном сравнении окажется не четыре звуковых элемента, имеющих точные соответствия, а только три, то доказательство будет менее убедительным; при наличии лишь двух элементов оно станет шатким, а если в распоряжении исследователя окажется лишь один имеющий соответствия звук, достоверность соответствий сойдет почти на нет. Поэтому языковеды, оперирующие короткими кор-

невыми элементами, а иногда даже (расчлняя корни) частями их, заранее лишают себя возможности найти искомое доказательство. Надежным может быть сближение целых слов, имеющих некоторую протяженность. Сопоставление, опирающееся только на одну или две корневые согласные, не имеет доказательной силы, если только его не подкрепляют особые обстоятельства.

Смысловое соответствие должно быть таким же точным, как и звуковое (соответственно существующим в каждом случае закономерностям). Это не значит, что мы требуем больших совпадений в семантике, чем в фонетике; надо лишь, чтобы смысловые расхождения объяснялись конкретными обстоятельствами, а не общей и неопределенной возможностью сопоставления. Тот факт, что франц. *ouaille* происходит из лат. *ouicula* «овечка», не утрачивает своей достоверности из-за того, что в современном французском языке это слово означает «духовного сына» определенного священника. Сближение этих слов оправдано, ибо, как известно, прихожане христианской церкви часто сравниваются со стадом овец, пасомых пастырем-священником. К тому же, в местных французских говорах слово *ouaille* сохраняет значение «овца», что окончательно подтверждает правильность данной этимологии.

Совпадение особенностей словоизменения в индоевропейских словах обеспечивает решающие доказательства для этимологических построений. Возьмем, например, слово, означающее «овцу» или «барана» (в индоевропейском языке не было отдельных обозначений самцов и самок): скр. *áviḥ*, гр. *ὄϊς* (из *\*ǵvis* — так у Гомера)<sup>1</sup>, лат. *ouis*, лит. *avis*. Во всех этих языках мы находим абсолютное соответствие и значения и формы. Поскольку таким образом удастся восстановить слово, вполне определенное по звуковой форме и по значению, этимология может считаться достоверной. Но к этому добавляется еще то, что в греческом и санскрите — языках, засвидетельствованных древнейшими памятниками, дающих поэтому наиболее правильное представление о некоторых конкретных явлениях индоевропейского языка, — это слово склоняется по особому типу. В прочих языках, как этого и следовало ожидать, склонение было нормализовано. Но тот факт, что в санскрите и

---

<sup>1</sup> В классическом древнегреческом языке (аттическом) произошло стяжение *o* и *i* в дифтонг (*oi*). — *Прим. ред.*

в греческом данное слово склоняется одинаково, является дополнительным уточнением, исключаящую всякую случайность и делающим нашу этимологию совершенно неоспоримой.

При восстановлении первоначального «общего языка» следует учитывать все показания относительно каждого рассматриваемого слова. Соответствие слов только двух языков, если оно не имеет всестороннего подтверждения, может оказаться случайным. Но если соответствие распространяется на три, четыре, или пять различных языков, трудно предполагать случайность. Хотя др.-перс. *gādiy* и слав. *рѣди* не встречается в других языках, можно сопоставить данные слова без колебаний, потому что их форма, значение и особенности употребления целиком совпадают. В других случаях сближение слов, обнаруженных только в двух индоевропейских языках, внушает недоверие, если только не удастся выявить особые условия, определившие исчезновение данного слова в других языках.

О каком бы языке ни шла речь, этимология может считаться доказанной лишь в том случае, когда совокупность точных соответствий исключает возможность случайного сходства сопоставляемых слов.

Не каждое слово имеет право на этимологию, как это можно вообразить, просматривая этимологические словари. Правило сравнительного метода гласит, что сопоставление оправдывается только положительными, вполне определенными фактами: доказать, что случайность исключена, — прямая обязанность этимолога. Такое доказательство должно быть построено по-разному, в соответствии с различием языков и спецификой отдельных случаев; при этом условия могут изменяться от языка к языку, от слова к слову. Но доказательства всегда должны быть точными и строго обоснованными.

Поэтому достоверных этимологий не так уж много, по крайней мере в тех языках, история которых стала известной лишь благодаря сравнительному методу и где сравнительный метод не находит подкрепления в точных исторических свидетельствах текстов различных эпох. При чтении учебника по сравнительной грамматике бросается в глаза небольшое число используемых соответствий. Это объясняется тем, что существует очень мало соответствий, на которые допустимо ссылаться безоговорочно.

Такой язык, как индоевропейский, где слова обычно состоят по меньшей мере из двух или трех слогов, а словоизменение разнообразно и сложно, вполне допускает безупречные этимологические доказательства (если оставить в стороне более или менее надуманные фантазии лингвистов, удовлетворяющихся поверхностным сходством). Семитские языки, корни которых состоят обычно из трех согласных, также допускают безупречные этимологии. Напротив, языки с короткими, зачастую односложными словами, не обладающими развитой флексией, по самой своей структуре исключают возможность строгих этимологических доказательств. Чтобы добиться достоверных построений для этих языков, надо открыть другой метод.

Здесь рассматривались только этимологии, установленные путем сравнения различных языков и восходящие к определенному слову первоначального «общего языка». Чтобы определить, каким способом можно строить историю всяких слов вообще, — что выходит за рамки моих лекций, — понадобилось бы длительное изучение самых разнообразных приемов.

Бывают, например, слова, которые можно объяснить, не выходя за пределы данного языка, на основании словообразовательных процессов, присущих этому языку. Этимология греческого слова (ἔργον) «труд, работа, дело» устанавливается путем сравнения с нем. *Werk*, причем учитывается, что форма этого слова является нормальной для индоевропейского, а корень встречается еще и в армянском и в иранском. Но чтобы объяснить производное от того же корня *օրացու* «орудие», следует заняться продуктивным суффиксом, образовавшим в греческом много других существительных.

Существует большое количество слов, история которых выясняется только на основании фактических данных; так, лат. *organum* может быть объяснено, если известно, что техническая терминология латинского языка в значительной мере заимствована или скалькирована с греческого. Если же во французском языке лат. *organum* «орудие» представлено двумя словами, совершенно различными по значению — *orgue* «орган» и *organe* «орган», — то это результат особых обстоятельств, которые известны только потому, что мы имеем дело с фактами, происходившими в историческое время; никакой сравнительный метод не помог бы обнаружить их.

Действительно, подавляющая часть этимологий ускользает от сравнительного метода, и история слов устанавливается на основании исторических свидетельств. Там, где этих свидетельств недостает и где поэтому нельзя проследить, пользуясь положительными и точными данными, судьбу слова со всеми ее случайностями, попытки дать подлинную этимологию чаще всего оказываются тщетными.

Идет ли речь о грамматике, фонетике или лексике, никогда не следует упускать из виду, что сопоставления имеют смысл только в том случае, если они подчиняются строгим правилам. Чем больше свободы позволяет себе языковед, тем произвольнее его сопоставления и тем более шатки доказательства. Так, опасную игру затевает лингвист, стремясь истолковать топонимику какой-либо страны на основании сопоставлений с наречием, которое считается родственным языку, прежде употреблявшемуся в этом крае. Если нет сомнений в том, какой это был язык, и близкие ему языки хорошо известны, то некоторые объяснения такого рода могут считаться достоверными. Например, наименование галло-римского населения *Briua* (современный город *Brive*), несомненно, галльского происхождения, потому что это население обитало в такой местности, где всегда был мост, а в сохранившихся кельтских языках мост называется *briwā*; к тому же нам известно, что в этой области латинский язык вытеснил галльский, который является одним из кельтских языков. Но было бы рискованно связывать с кавказскими языками наименования греческих населенных пунктов, когда неизвестно, какие звуки должна учитывать этимология рассматриваемого наименования, когда привлекаемые для сопоставления языки различны по своей структуре и когда нет никаких исторических свидетельств в пользу того, что в соответствующей местности некогда говорили на языке, близко родственном кавказским. Вообще этимологии собственных имен, как правило, недостоверны вследствие того, что из двух решающих факторов — звуковых и смысловых соответствий с фактами других языков — можно использовать лишь один — звуковой. Языковеды, которые интересуются преимущественно этимологией собственных имен, часто становятся авантюристами от лингвистики и лишь немногие из них строго соблюдают требования метода.

#### IV. О РАЗВИТИИ ЯЗЫКОВ ОТ ЭПОХИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ ДО ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Сравнение позволяет в указанной выше степени восстановить «общий язык», который, развиваясь, принимает с течением времени разные формы, превращающиеся в разные языки одной и той же семьи. Остается отдать себе отчет в том, что происходило между эпохой «общности» и временем появления первых памятников — проблема трудная, часто неразрешимая.

Разумеется, в помощь следует привлекать промежуточные периоды общности, если можно точно определить их или хотя бы наметить. Таким путем удастся по возможности уменьшить разрыв между «общим языком» и исторически засвидетельствованными языками. Однако, как указывалось ранее (см. стр. 22 и сл.), эти периоды общности не всегда существовали, а если они и существовали, то не всегда оказывается возможным использовать их. Если же и удастся привлечь данные таких «общих языков», то в применении далеко не ко всем явлениям. Даже в лучших случаях между «общим языком» и засвидетельствованными языками остается большая пропасть, а интерполяции, которыми пытаются заполнить эту пропасть, бывают в значительной мере неточными и произвольными.

Рассмотрения самих лингвистических фактов недостаточно для установления даже начатков хронологии. Темп лингвистических изменений колеблется в очень широких пределах. Есть языки, которые в течение многих веков пребывают почти без изменений. Тюркские наречия, известные с XII в., до сих пор сохраняют свои существенные черты и незначительно изменились, хотя с тех пор, как они впервые были засвидетельствованы, прошло почти тысячелетие. История полинезийских наречий весьма мало изучена: поразительным кажется, что, несмотря на огромные расстоя-



ния, разделяющие острова Полинезии, эти паречия сохраняют большую близость друг к другу. Подобные случаи нередки: языки мало цивилизованных народов часто обладают большой устойчивостью.

Быстрое обновление лексики, приписываемое иногда языкам полуцивилизированных народов, объясняется, по крайней мере отчасти, своеобразными обычаями, связанными с употреблением слов. Нередко у полуцивилизированных народов те или иные слова оказываются под запретом; например, после смерти человека на слово, входящее в состав его имени, налагают табу. Поэтому путешественник, ознакомившийся с лексикой определенного говора, при возвращении в ту же местность через несколько лет, сталкивается уже с другим словарем, во многом отличным от прежнего. Тальбицер сообщил недавно о подобном случае у эскимосов. Однако из этого еще не следует, что основа языка также изменчива.

Наблюдаются, с другой стороны, и быстрые изменения системы языка. Латинский язык, несомненно, сохранял еще многие древние черты в III и даже в V вв. н. э. (таковы, по крайней мере, литературные свидетельства). Но уже в IX в. романские языки выработали свои существенные черты, причем важнейшие изменения произошли еще в VI в., как можно судить по памятникам латинской письменности мервингской эпохи. Серьезные изменения, превратившие древнеармянский язык в повоармянский, начались не ранее V в. н. э., а закончились не позже X в. С тех пор армянский язык уже не переживал таких глубоких изменений. В VI в. до н. э. персидский язык имел еще архаический вид; в I в. н. э. он имел уже современный вид; последующие его изменения не могут идти ни в какое сравнение с совершившимися в то время.

Следовательно, время — лишь одно из условий, от которых зависит значительность изменений. Как неизменность древнего состояния не свидетельствует о краткости периода, протекшего с момента распада первоначальной общности, так и значительное обновление форм не предполагает обязательно длительного промежутка времени. Каких-либо иных указаний лингвистические явления не дают; поэтому ничего нельзя сказать, даже приблизительно, о времени, которое понадобилось для новообразований.

Хронология не может указать, насколько тот или иной язык уклонился в своем развитии от «общего языка»;

только два семитских языка сохранили склонение: один из них — аккадский — относится к началу второго тысячелетия до н. э., другой же — арабский — к VII в. н. э.; в то же время в прочих семитских языках, засвидетельствованных гораздо раньше арабского, например в древнееврейском и арамейском, склонение имен уже было утрачено.

### Подготовительные периоды

Некоторые языковые процессы на первый взгляд поражают своей стремительностью. На самом же деле новообразованиям предшествует долгий подготовительный период. Изменения совершаются обычно лишь в результате длительной работы.

Один из важнейших процессов, обусловивших переход от древнего общеиндоевропейского типа к современному типу индоевропейских языков, состоит в утрате музыкального ударения и количественного ритма. Ведийские и древнегреческие памятники дают достаточно четкое представление об этом древнем типе, в котором «ударение» состояло в повышении голоса и не было ритмической вершиной слова; оно играло семантическую роль, подобную той, какая свойственна тонам, т. е. повышениям и понижениям голоса в китайских и суданских наречиях. Ритм слова полностью определялся чередованием долгих и кратких слогов. Сравнение ряда языков подтверждает, что таков был тип общеиндоевропейского языка. Этот звуковой тип везде исчез; в греческом и латинском он исчез в эпоху Империи. Ритм перестал основываться на чередовании кратких и долгих слогов; некоторые долгие гласные сокращались; в других случаях все без исключения гласные утрачивали количественные различия. Прежнее «ударение» стало ритмической вершиной слова. Слово становится «центрированным», чего раньше не было, а следовательно, произношение в целом меняет свой характер. Когда завершилось это преобразование, слог, на который раньше падало музыкальное «ударение», приобрел особое значение, в то время как прочие элементы слова стали относительно второстепенными. Известно, что в романских языках судьба ударного слога существенно отличается от судьбы остальных слогов. Специфически французское изменение лат. *caballum* во франц. *cheval*, относящееся примерно к IX в., является лишь одним из последствий утраты количественного ритма и изменения характера

прежнего «ударения», которое произошло в латинском языке времен Империи, но началось на самом деле, как указывают различные факты, гораздо раньше — прежде, чем появились первые памятники латинской письменности (т. е. перед III в. до н. э.). Изменение *caballum* в *cheval*, происшедшее довольно быстро, сразу бросается в глаза. Подготовку же этого изменения, происходившую в течение долгих веков, почти невозможно заметить.

Такие подготовительные периоды переживались на всей индоевропейской территории, но, как правило, в доисторическую эпоху или в условиях, в которых нельзя было проследить это развитие. История греческого и латинского языков дает некоторое представление о том, как могли протекать эти явления. Однако на основании истории этих языков нельзя судить о всех изменениях, которые произошли в индо-иранских языках; так, например, развитие ритма шло в них, очевидно, по совершенно иному пути. Но, в общем, подготовка такого рода происходила повсюду.

Вообще, то, что наблюдается в индоевропейских языках, является результатом внезапных потрясений, следовавших за подготовительными периодами, потрясений, благодаря которым язык получил новый вид, отличный от индоевропейского типа.

На всей индоевропейской территории наблюдается тенденция к исчезновению именного склонения. Этому исчезновению благоприятствовала тенденция к сокращению конца слова, вследствие чего приметы падежных форм, помещавшиеся в конце слова, постепенно теряли свою четкость. Но самым существенным было то, что падежную флексию мало-помалу заменили другие средства выражения. Уже в доисторический период нельзя было удовлетвориться падежными формами для обозначения местных отношений. Обязательное употребление предлога в латинских конструкциях типа *eo in urbem*, *habito in urbe*, *uenio ex urbe* вовсе не является изолированным случаем. Подобные факты наблюдаются в большинстве индоевропейских языков с начала исторической эпохи, так что случаи полного сохранения семантики местных падежей являются лишь одиночными пережитками. В таких условиях падежная флексия становилась излишней, и неудивительно, что язык или ограничивал ее или полностью избавлялся от нее.

Трудность, а порой и невозможность проследить развитие языка между периодом первоначальной общности и исто-

рическими периодами заключается не только в том, что нельзя исчислить время, которое потребовалось для изменений, и что подготовительные периоды протекают почти незаметно; существует много других затруднений.

### Параллельное развитие

Дальнейшие изменения в значительной мере определялись состоянием общего языка и тем, как происходил его распад. Отсюда следует, что одинаковые или сходные изменения происходили даже после разделения и начала дифференциации языков, развившихся из «общего языка». Этот факт часто упускают из виду. Сравнительные грамматики обычно строятся так, как если бы все явления, совпадающие в разных языках, развившихся из одного «общего языка», относились к периоду первоначальной общности. Авторы сравнительных грамматик, конечно, не думают этого; они никогда не решились бы утверждать этого, иногда они даже делают по этому поводу оговорки. Изложение ведется все же так, как если бы авторы допускали подобную гипотезу. Это особенно заметно, например, в замечательном Grundriss К. Бругмана<sup>1</sup>. А между тем нет ничего более далекого от действительности, чем эта гипотеза.

Возьмем, например, показатель *-m* 1 лица единственного числа в славянских языках; он встречается во множестве глаголов большинства современных славянских языков и даже является нормой во всех глаголах сербо-хорватского языка. Однако в общеславянском языке это окончание мы находим лишь у четырех-пяти неправильных глаголов. Оно стало распространяться главным образом в чешском и сербо-хорватском языках уже в историческую эпоху, в средние века. К этому времени славянские языки давно разделились, и в каждом из них имелись независимо возникшие новообразования, к тому же неодинаковые в разных языках.

Подобные факты наблюдаются в 1 лице единственного числа и в других языках: армянский язык также обобщил форму с показателем *-m*. Правда, здесь нам известен лишь результат процесса, конкретные же этапы его, подробности развития от нас ускользнули. Подобное новообразование

---

<sup>1</sup> К. B r u g m a n n, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, изд. 2, Страсбург, 1897—1916.

появилось и в Индии и в Иране, но о том, как оно там произошло, почти ничего неизвестно. Сохранилось, к счастью, несколько древних иранских текстов — Гаты Авесты, где еще не обобщено окончание *-mī*; отсюда ясно, что хотя санскрит и располагает формой *bhāgāmī*, а поздние части Авесты — *bagāmī* «я несу», добавление *-mī* произошло после периода индо-иранской общности, ибо в Гатах Авесты встречается только форма *bagā*.

Соответствия между исторически засвидетельствованными формами в гораздо большей мере, чем принято думать, являются результатом параллельного развития уже разделившихся и обособившихся языков.

Если подобные образования осуществляются параллельно, но независимо, то еще больше оснований для параллельного исчезновения некоторых древних черт. Благодаря тому, что еще в классический период в греческом языке соблюдалось известное правило *τὰ ζῶα τρέχει* (сочетание глагола в единственном числе с существительным среднего рода во множественном числе) и что такое же правило строго выдержано в Гатах Авесты, мы знаем, что общеиндоевропейская форма так называемого именительного-винительного падежа множественного числа среднего рода была в действительности древним собирательным именем. Однако такой архаический язык, как индийский, почти не знает этой формы. В латинском языке стало нормой употребление глагола во множественном числе при существительном среднего рода во множественном числе; то же произошло в славянском, кельтском и германском. Эта особенность в конце концов исчезла даже в греческом. Итак, там, где языки не сохранили весьма архаических форм, т. е. почти везде, значительная часть явлений промежуточного периода остается неизвестной для науки.

### Сложность развития

Но развитие языка не сводится только к утрате старых образований и возникновению новых, которым суждено сохраниться. Развитие языка — дело сложное, и не следует питать иллюзий, что нам удастся объяснить все возникшее в промежуточные периоды или же восстановить многообразные процессы тех эпох.

По текстам можно проследить историю греческого языка от VII в. до н. э. до настоящего времени; этот пример дает

нам возможность судить о тех новообразованиях и утратах, в результате которых язык достиг своего современного состояния.

Так, еще в доисторическую эпоху каждый глагол греческого языка образовывал будущее время; позднее, в византийский период, это будущее время было отброшено и заменено совершенно новым образованием.

Греческий язык унаследовал от индоевропейского один тип перфекта. В доисторическую и в историческую эпохи употребление перфекта расширялось, число его форм умножалось, выработались приемы, благодаря которым почти каждый глагол мог образовать перфект. В аттический период перфект был необходимой и широко употребительной формой глагола. Позднее он вышел из употребления; в современном греческом спряжении перфекта нет.

Итак, если бы греческий, подобно славянскому, был известен только с IX в. н. э., языковеды не подозревали бы даже, что, прежде чем дойти до современного состояния (в котором каждый глагол греческого языка имеет только две основы), греческий глагол пережил длительный период пышного развития будущего времени и перфекта, когда возникали различные новообразования, многократно переделывались и менялись формы. Языковед, проследивший лишь конечный результат, не имел бы никакого представления обо всем этом развитии.

А между тем, большинство индоевропейских языков известно лишь после начала нашей эры, т. е. в эпоху, когда уже закончились те сложные процессы развития, фактические свидетельства которых можно наблюдать в греческом языке; таким образом лингвисту неизвестно, что происходило в этих языках в действительности.

Поэтому тщетно надеяться на то, что удастся с уверенностью объяснить все новые формы, образовавшиеся между периодом общности и историческими эпохами. Не следует удивляться тому, что языковедение смогло выдвинуть лишь сомнительные и шаткие гипотезы относительно происхождения латинского перфекта на *-iī*, греческого страдательного перфекта на *-θη*, готского претерита на *-da (-ta)*, и т. д. Эти формы возникли в результате длительного развития в те периоды, о которых мы не имеем положительных сведений.

Следовательно, мы не можем восстановить то далекое состояние языка и установить, в каких условиях возник-

кали эти новообразования. Стремиться объяснить их во что бы то ни стало, надеясь найти убедительные доказательства при помощи сравнения, значит забыть о границах сравнительного метода.

Между периодом общности и исторически засвидетельствованными периодами происходили процессы, которые нельзя целиком восстановить; чем длиннее, а главное, чем богаче новообразованиями промежуточный период, тем больше остается неизвестного

## V. ДИАЛЕКТЫ

До сих пор и первоначальный язык и исторически засвидетельствованные языки рассматривались так, как если бы каждый из них представлял единство. Однако дело обстоит иначе, о чем свидетельствует понятие «диалекта», с которым мы постоянно сталкиваемся в лингвистических исследованиях.

Здесь необходимо отвлечься от обычного понимания, противопоставляющего «диалект» сложившемуся литературному языку.

Диалект — слово греческое, оно было создано в соответствии с условиями Греции. Древнегреческий язык не представлял такого единства, как латинский. Он имел различное графическое оформление в зависимости от места и времени. В говорах одного типа употребляли  $\nu\acute{\alpha}\sigma\omicron\varsigma$  «остров», в говорах другого типа —  $\nu\eta\sigma\omicron\varsigma$ ; в одних говорах дательный падеж множественного числа имел форму  $\pi\omicron\sigma\sigma\acute{\iota}$ ,  $\pi\omicron\sigma\acute{\iota}$  «ногам», а в других —  $\pi\omicron\delta\acute{\epsilon}\sigma\sigma\iota$ ; в одних говорах «мне хочется» передавалось через  $\beta\omicron\upsilon\lambda\omicron\mu\alpha\iota$ , в других — через  $\beta\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omicron\mu\alpha\iota$ , а в третьих —  $\delta\eta\lambda\omicron\mu\alpha\iota$ ; в одних говорах «владение» —  $\chi\tau\eta\sigma\iota\varsigma$ , в других —  $\pi(\pi)\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$ . Но расхождения эти не таковы, чтобы греки, пользовавшиеся говорами различных типов, ощущали, что говорят на разных языках. Некоторые из этих расхождений, вроде противопоставления  $\nu\eta\sigma\omicron\varsigma||\nu\acute{\alpha}\sigma\omicron\varsigma$ , входят в большие ряды фонетических соответствий; другие, как  $\pi\omicron\delta\acute{\epsilon}\sigma\sigma\iota||\pi\omicron\sigma\sigma\acute{\iota}$ ,  $\pi\omicron\sigma\acute{\iota}$ , выявляют закономерные грамматические различия и, наконец, третьи — попросту лексические явления, как  $\chi\tau\eta\sigma\iota\varsigma||\pi(\pi)\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma$ . Эти различия не мешали грекам сознавать, что в целом у них один язык. Итак, диалект прежде всего характеризуется разнообразием в единстве, единством в разнообразии.



Но и диалект не един. Греки различали три больших диалекта: ионийский, эолийский и дорийский; современные языковеды добавили к ним еще четвертый — ахейский (аркадско-кипрский). Но конкретные тексты оказываются написанными не на том или ином одном диалекте, а на разных формах каждого диалекта. Например, не было единого дорийского диалекта: были коринфский (вместе с сиракузским), аргосский, лаконский, критский, родосский и т. д. Но и эти общие типы тоже допускали различия: не было единого критского наречия, но отмечаются ощутительные расхождения в говорах разных местностей Крита. «Диалект» — это совокупность различных говоров, имеющих общие черты и большее сходство между собой, чем с другими говорами того же языка.

Кроме того, диалекты не охватывают непременно всех говоров того или иного языка. Так, лучше других известный аттический говор греческого языка обладал рядом черт, общих с ионийским диалектом, но тем не менее не принадлежал ни к нему, ни к какому-либо другому диалекту. Говоры Элиды, Локриды, Фокиды во многих отношениях близки дорийскому диалекту, но все же они — не собственно дорийские. Отсюда видно, что не всегда бывает возможно сгруппировать все говоры какого-нибудь языка в определенные диалекты.

Итак, понятие диалекта расплывчато. Эта расплывчатость объясняется прежде всего различием исторических условий.

### Происхождение диалектов

Происхождение греческих диалектов обусловлено тем, что область расселения греков часто подвергалась различным вторжениям. Как можно предполагать, наиболее древней волной были ахейцы; прямых исторических данных об их вторжении до нас не дошло, но найденные недавно хеттские документы как будто указывают на такое нашествие, относя его примерно в XIII в. до н. э., а в гомеровских поэмах в легендарной форме сохранились воспоминания об этом событии. В историческую эпоху от ахейцев оставались аркадские говоры на Пелопоннесе, памфилийский — на юге Малой Азии и кипрский, которым до сих пор отмечается крайняя граница распространения эллинов. Следующее ионийское нашествие происходило, вероятно, немногим позд-

нее; в самой Греции от него не осталось и следов, но на Эвбее, на островах Эгейского моря и на Средиземноморском побережье от Черного моря до Галлии сохранились ионийские колонии. Самым последним из этих больших нашествий было вторжение дорийцев, продолжавшееся еще в начале исторического периода Греции и захватившее большое число областей (в частности, Пелопоннес и Крит), уже полностью заселенных жителями, говорившими на других эллинских диалектах.

Диалекты галло-романской области совсем иного происхождения. Все они являются видоизменением, бесспорно, единого наречия, употреблявшегося в Галлии после завоевания ее римлянами. Возникшие из видоизменений одного и того же наречия говоры Прованса и Гаскони, Нормандии и Иль-де-Франса не походят друг на друга. Мы не умеем объяснить ни этого различия, ни того, что в этих областях есть говоры сходные, но не тождественные. Поскольку границы этих языковых областей часто совпадают с прежними административными границами, высказывалось мнение, что политическое деление страны обуславливает ее языковое деление. Административное деление страны, как известно, закрепляет отношения, существующие между людьми: административное деление римлян потому и было в основном сохранено христианской церковью в Галлии, что оно действительно отвечало естественным потребностям страны. Эти отношения и отражаются в сходстве говоров. Но это лишь совпадение, а не причина.

Следует учитывать и факты иного рода. В современном мире издавна существуют центры, распространяющие свою культуру на окружающие области. Во Франции центральные города провинций играют второстепенную роль, так как влияние Парижа стало преобладать весьма рано. В Италии, напротив, имеется несколько значительных провинциальных центров. Экономическое и политическое значение Венеции сыграло большую роль в формировании особого венецианского диалекта.

### Диалектные явления

Для компаративистов само существование диалектов имеет огромное значение: последствия их существования не всегда одинаковы, а зависят от тех обстоятельств, в которых сложились диалекты.

Иногда общий язык оказывается единым, насколько язык вообще может быть един. Таким был предок романских языков — «общероманский» язык, т. е. разговорная речь одного города — Рима. Единственно, что приходится дополнительно принять во внимание, — это время распространения римской латыни на той или иной территории; по гипотезе Г. Грёбера критерием этого может служить судьба долгих и кратких *ī, ē ŷ, ō*; в сардинском сохранилось различие краткого *ī* и долгого *ē*, краткого *ŷ* и долгого *ō* вследствие того, что в период завоевания Сардинии эти звуки различались еще в Риме; в галло-романском, напротив (как и в большинстве романских наречий), *ī* и *ē* совпали в одном звуке, *ŷ* и *ō* — также в одном, потому что тенденция смешивать эти пары звуков существовала уже в самом латинском языке ко времени завоевания Галлии римлянами и распространения там латыни. Но в общем источник романских языков является единым языком.

Иначе дело обстоит с общеиндоевропейским. Многие из специфических особенностей, разделяющих отдельные индоевропейские языки, наблюдаются одновременно в нескольких смежных языках; это дает основание предполагать, что их отправной точкой были диалектные различия, имевшие место уже в общеиндоевропейском. Рассмотрим, например, как звучит числительное «десять». В греческом оно имеет форму *δέκα*, в латинском *decem*, в санскрите же *dāśa* и в армянском *տաս*. Германские и кельтские формы этого числительного восходят к форме с срединным *k*; иранские, славянские и балтийские — к формам с внутренним сибилантом. С этой точки зрения, можно разделить все индоевропейские наречия на две группы. Есть и другой факт: в греческом, латинском, кельтских, германских языках вопросительно-неопределенное местоимение имеет в корне *qi* или соответствующее ему звучание, например лат. *quis*, тогда как в группах индо-иранской, славянской, балтийской и армянской этот корень содержит *k* или какой-либо его заменитель, например скр. *kāñ* «кто», лит. *kàs* и т. п. Это позволяет предположить, что в индоевропейском имелись две группы диалектов: одна, представленная греческим, итало-кельтским и германским, вторая — славянским, балтийским, армянским и индо-иранским. С точки зрения задненёбных согласных, такое деление было бы точным, и нередко говорят о подразделении индоевропейских языков на группу *saŷm* (одна из древнеиранских форм

числительного «сто») и группу centum (латинская форма этого же числительного).

Однако, рассматривая иные явления, можно найти другие расхождения. Так, различие старых *o* и *a*, сохранившееся в армянском, греческом, итало-кельтском, совершенно утратилось в германском, балтийском, славянском и индоиранском. На этот раз германский оказывается в одной группе со славянским, а армянский — с греческим и т. д.

Таким образом, внутри индоевропейского языка не удается установить определенные диалекты, наблюдаются лишь различные пути развития отдельных фонетических, морфологических или лексических явлений, причем каждое такое явление имеет свои собственные границы. Вся индоевропейская территория оказывается как бы пересеченной линиями, разделяющими ее на области, в которых употребляются различные формы. Линии эти, так называемые *изоглоссы*, совпадают друг с другом лишь частично.

Такое положение наблюдается во многих случаях. Так, галло-романская территория или литовская территория пересекаются линиями не совпадающих между собой изоглосс, которые отмечают границы распространения различных особенностей языка.

Степень совпадения наблюдаемых в настоящее время языковых процессов с процессами, приписанными общиндоевропейскому языку, показывает, насколько реально то представление об индоевропейском языке, которое можно составить путем сравнения. Дело идет не о простой схеме, но об объекте столь же многообразном, как сама действительность.

Многие из свойственных только данной области изменений возникли уже после периода общности, вследствие появившихся новообразований. Вот типичный пример. Кельтский язык унаследовал древнее  $q^u$  того типа, который сохранился в лат. *quis*.

В то же время в нем действовала тенденция к переходу  $k^u > p$ ,  $g^u > b$ , проявляющаяся во всех языках, где представлена эта фонема. Переход  $g^u > b$  совершился легко, так как в кельтском уже было *b*, притянувшее древнее  $g^u$ . Но кельтский, единственный из всех индоевропейских языков, утратил и *-e*; *p*; поэтому для перехода  $q^u$  в губной образца в языке не было. Этого обстоятельства было достаточно, чтобы помешать  $q^u$  перейти в *p* в ирландском. Вот почему \**ek<sup>u</sup>os*

дало ирл. \*ek(os), откуда есн «лошадь». В галльском же и бретонском тенденция к переходу  $q^u > r$  оказалась сильнее, и  $q^u$  перешло в  $r$ , так что \*ek<sup>u</sup>os дало eros в галльском (параллельная форма есть и в кимрском). Это диалектное дробление совершилось в результате процессов, происшедших, повидимому, после периода кельтской общности. Затем оно обусловило дальнейшие изменения. С тех пор слова имеют глубокие различия и, неизбежным образом, разную судьбу.

Итак, понятие о диалекте расплывчато во всех отношениях. Поэтому компаративист не может придерживаться этого понятия; ему приходится искать более точно ограниченного поля наблюдений.

## VI. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

С тех пор, как появилось стремление устанавливать точные закономерные соответствия фонетических и морфологических явлений «общего» языка и засвидетельствованных в последующие эпохи языков, ведутся и поиски таких чистых языковых типов, в которых эти закономерности проявлялись бы со всей строгостью. Большие языки содержат слишком разнообразные элементы. Диалекты не являются едиными, как видно из самого их определения. Возникла мысль, что такое необходимое языковеду элементарное единство представлено мелкими народными говорами, распространенными на небольших территориях — и лингвисты стали изучать местные говоры.

### Местные говоры

В настоящее время созданы монографические описания самых различных говоров — как краткие и поверхностные, так и подробные и углубленные. В углубленных работах такого рода содержатся материалы, важные для серьезного изучения соответствующего языкового типа. Они много дают и для общего языкознания. Но компаративист, желающий создать историю целой группы языков, не может удовлетвориться лишь описаниями местных говоров, которые к тому же затруднительно использовать.

На территории средней величины, подобной галло-романской, мы встречаем более тридцати тысяч местных говоров, которые можно описать. Задача эта явно превышает имеющиеся в наличии силы и материальные ресурсы языковедов. Но будь она даже осуществлена, лингвист не знал бы, что делать с подавляющей его массой фактов, среди которых оказалось бы бесконечное множество повторяющихся,

так как, хотя каждая местность имеет свои особенности, на территории одного языка часто встречаются одни и те же явления и типы явлений.

Вторая трудность — данные, собранные разными исследователями, не могут использоваться на равных основаниях. Если опрос не был проведен организованно, с соблюдением одинаковых требований на всей обследуемой территории, обнаруживается, что в каждом описании факты располагаются по-разному, так что данные одной работы невозможно непосредственно сравнивать с данными другой. Д же в благоприятных случаях, что бывает редко, когда опрос был организован правильно и описания составлялись по единому принципу, собиратели не могли ни наблюдать, ни регистрировать материал абсолютно одинаково. К тому же, в одних районах собирателей бывает больше, в других — меньше, а кроме того, неодинаковая густота сетки наблюдений также делает полученный материал непригодным для сравнения.

Наконец, говоры вовсе не обладают тем единством, которое им было приписано а priori. Жители одной и той же, пусть маленькой, деревни говорят по-разному в зависимости от возраста, профессии, социального положения и пр. Не все являются местными уроженцами, не все могут с одинаковой верностью сохранять местные особенности речи. Если описание местного говора учитывает все эти индивидуальные различия, оно становится слишком сложным и из него трудно извлечь какую-либо пользу для сравнения. Если же эти подробности не учитываются, мы не получаем правильного представления о состоянии говора: многие факты произвольно упрощаются и скорее называются, чем описываются.

### Ведение наблюдений

Приступая к изучению группы современных говоров с помощью сравнительного метода, необходимо организовать наблюдение таким образом, чтобы оно служило непосредственно для сравнения.

Прежде всего нужно распределить более или менее равномерно по всей территории пункты обследования. Идеальным было бы провести наблюдения во всех населенных пунктах данной местности. Но в нормальных условиях, т. е.

когда сходные говоры занимают довольно большую территорию и соседние говоры мало различаются между собой, достаточно бывает выбрать наугад пункты наблюдения, лишь бы в конце концов получилась сетка наблюдений, охватывающая всю территорию и содержащая образцы всех типов. Чем гуще эта сетка, тем меньше риска упустить важные черты, тем больше уверенности в правильности определения границ каждого явления. Но самое главное для компаративиста — собрать такие данные, которые позволяют охарактеризовать всю область в целом.

Во-вторых, важно, чтобы полученные данные можно было сравнивать между собой, следовательно, чтобы наблюдения касались явлений одного порядка: одних и тех же слов (так, чтобы можно было сравнить, например, все формы, какие примет данное слово литературного языка в говорах исследуемой территории), слов одного значения, одних и тех же форм или грамматических форм одного значения, и т. п.

Для осуществления этой двойной задачи следует подготовить вопросник, который заполняется в каждом пункте, где проводится наблюдение, причем необходимо отмечать, как передаются данные фразы в каждой из обследуемых местностей. Работа по вопроснику имеет серьезные неудобства: язык, на котором задается вопрос, — как правило, общий язык данной страны — может повлиять на обследуемое лицо и отвлечь его от родного говора. Так как для каждого пункта нужно получить только один ответ, то обращаются лишь к одному лицу. Но, поскольку местный говор не является единым, объект наблюдений может оказаться лишь более или менее типичным для говора. Описанный метод дает лишь приближенные, но далеко не точные результаты, но иного способа работы нет.

Наблюдения могут проводиться двумя способами. Первый из них состоит в том, что на места рассылают вопросники, заполняемые там лицами, по возможности наиболее подготовленными к тому, чтобы указать, каким образом то или иное слово или выражение передается в местном говоре, — так поступают в Германии. Второй способ — когда посылают исследователя, который в каждом пункте опрашивает какого-нибудь местного жителя сам и сам производит запись — таким образом работали при составлении атласа галло-романских говоров. Вооружившись вопросником, составленным Жильероном, Ж. Эдмон один побывал во всех



намеченных для обследования пунктах, в каждом выбрал по одному объекту для наблюдения и записал ответы на все вопросы вопросника. Преимущество последнего метода состоит в том, что он дает возможность сравнивать собранные материалы со всей строгостью и исключает отклонения, неизбежные при работе различных людей. Это преимущество настолько велико, что при дальнейших исследованиях стали прибегать именно к такому способу, и, например, наблюдения для составления атласа романских (не французских) говоров Швейцарии и североитальянских говоров, организованного Ябергом и Юдом, велись только одним лицом — Шейермейером.

Результаты, добытые таким простым способом, могут показаться на первый взгляд сомнительными. Но наблюдения, проведенные в мало удаленных друг от друга пунктах, взаимно проверяются, и уже само сопоставление их является проверкой. И наконец, анкетный метод не исключает монографического описания: достаточно сравнить результаты наблюдений с имеющимися уже монографиями или новыми обследованиями, чтобы оценить качество наблюдений, произведенных обследователем. Что касается атласа галлороманских говоров Жильерона, для которого наблюдения производились Эдмоном, то многочисленные, а иногда и весьма основательные проверки (так, Мийарде тщательно обследовал все говоры Ланд, Брюно — арденнские, Оскар, Блок — вогёзские) подтвердили во всем существенном правильность наблюдений Эдмона. Пришлось исправить лишь некоторые мелкие ошибки, отнюдь не компрометирующие эту солидную работу.

Итак, полученные результаты оказались настолько капитальными, что был предпринят ряд обследований подобного типа. Во Франции уже создан атлас говоров Корсики и выходит атлас бретонских говоров французской Арморики. Печатается каталанский атлас. Сообщено также о выходе атласа, подготовленного Ябергом, Юдом и Шейермейером. Молодой французский языковед Теньер издает сейчас подробное исследование о формах двойственного числа в словенском языке, основанное на наблюдениях лингвистико-географического типа.

Весьма облегчает работу уже то обстоятельство, что результаты анкетных наблюдений можно нанести на карту, причем для каждого явления можно составить отдельную карту. Известно, насколько выигрывает статистика в ясно-

сти, получая графическое изображение. Лингвист, у которого оказываются перед глазами все факты (изображенные на одной, двух или трех картах, расположенных в какой угодно последовательности), относящиеся к интересующей его проблеме, держит в руках условия ее решения.

Большое развитие получили исследования в области галло-романского языка благодаря появлению Атласа Жильерона и Эдмона. Значительно увеличивается число работ, вызванных опубликованием Атласа, наряду с чем появляются и другие работы, где прежде всего учитываются данные, касающиеся какой-нибудь области в целом.

Наблюдения, проведенные путем опроса, оказались для сравнительного метода наилучшим из всех применяемых им способов, целиком приспособленным к требованиям этого метода. Впервые появилась возможность иметь перед собой целую совокупность точных и безусловно допускающих сравнение между собой данных, равномерно охватывающих всю изучаемую область. Кто из занимавшихся сравнительной грамматикой не знает, как приходится страдать оттого, что сближаемые факты относятся к разным эпохам, на что приходится закрывать глаза. Ведь компаративист, работающий в области индоевропейских языков, использует данные трехтысячелетнего периода, весьма неравномерно расположенные во времени и в пространстве: для одних веков их много, для других совсем нет, для одной территории или области на них имеются указания, для другой отсутствуют. Прежде чем производить сравнение, надо подвергнуть детальной критической проверке все его элементы. В сравнительной грамматике индоевропейских языков найдется немало таких безукоризненных сопоставлений.

### Проблема диалекта

Географический метод уже дал замечательные результаты. Разрешена проблема диалекта. Раньше часто задавались вопросом, как определить границы диалектов. С одной стороны, диалект предстает как некое целое, имеющее свои отличительные черты и противопоставляемое другим диалектам. С другой стороны, точные границы для диалектов установить не удавалось. Если бы в прежние времена из Бордо отправился в путь исследователь, вознамерившись отыскать границу между северными и южными галло-романскими диалектами, ему пришлось бы остановиться на

полпути, не выполнив этой затеи. Однако в настоящее время достаточно сопоставить карты, чтобы найти ответ.

Каждое языковое явление имеет свои границы.

Но в некоторых областях мы находим целые пучки пограничных линий отдельных явлений, причем эти линии то идут параллельно, то пересекаются. Между северными и южными галло-романскими говорами — не одна граница, но целый пучок границ, пограничных линий отдельных явлений, часто очень близких друг к другу. В северном и, соответственно, в южном концах этого пучка расположены наиболее близкие друг другу говоры. Север четко противопоставляется югу, но единой пограничной линии нет.

Любопытно, что этот пучок изоглосс почти точно располагается вдоль железнодорожного пути, идущего из Бордо в Лион, т. е. резко поворачивает к северу у подножия центрального горного массива Франции. Таким образом, все говоры центрального массива — южного типа. Влияния, придавшие говорам северной части Франции их специфические черты, столь далекие от латинского типа, были остановлены вставшей на их пути горной преградой, занимающей центр страны. Границей является не Луара, а трудно проходимая цепь горных вершин, которую огибают дороги. Северный тип заходит довольно далеко на юго-запад вплоть до Бордо и на юго-восток до Лиона. Тут граница диалектов объясняется фактором географического порядка, обусловившим исторические процессы.

### Промежуточный период

Благодаря богатству собранного материала приобретает большую ясность промежуточный период между общим языком и развившимися из него языками. Чтобы дать более яркую иллюстрацию результатов применения географического метода, Жильерон воспользовался названиями пчелы. Совр. франц. *abeille* «пчела» в силу закономерных фонетических соответствий не может считаться исконным для севера Франции; как известно, оно заимствовано северными говорами из южных. Но с помощью одного этого факта невозможно было бы вскрыть всю историю слова *abeille*. Если взглянуть на карту, на которой обозначены все названия пчелы, то можно заметить, что в разных районах северной Франции эти названия различны: в одном мы встречаем заимствованное с юга *abeille*, в другом — *mouche à miel*,

в третьем — *mouchette*, в четвертом — *avette*. Такое разнообразие названий насекомого, используемого в хозяйстве еще с римских времен, свидетельствует об утрате прежнего названия; в некоторых пунктах, как показывают карты, сохранилось еще это старое, почти всюду утраченное название. Оно звучит как *é* и является нормальным результатом развития в северных говорах лат. *arēt*. Это название оказалось слишком коротким и потому почти повсеместно вышло из употребления; о затруднениях говорящих можно судить по разнообразию замен. Жильерон предложил смелую и спорную, но очень соблазнительную гипотезу, согласно которой *mouchette* является преобразованием сложного слова *touché(p)*, вошедшего в употребление вместо слишком короткого *é(p)*. Может быть, такое сложное слово никогда и не было в употреблении, а возникла лишь возможность такого образования, сразу реализовавшаяся в виде *mouchette*; ведь когда происходят подобные фонетические и морфологические изменения, новые формы имеют тенденцию тотчас же подчиниться правилам существующей системы и занять место в ряду уже создавшихся форм. На юге Франции подобных затруднений со словом «пчела» не было: латинское слово *apícula* получило суффикс еще в римскую эпоху (ср. *ouicula* < *ouis*, совр. франц. *ouaille*) и передало слово *abeille* парижской области. Таким образом, вместо сухого указания на происхождение *abeille* мы получили сложную историю, раскрывающую реальный ход событий.

Вдохновляясь такими успехами, можно добиться многого и в интерпретации явлений, не столь хорошо обеспеченных данными для сравнения. Нередко оказывается достаточным расположить имеющиеся материалы в географическом порядке, чтобы понять исторический процесс.

Возьмем, например, понятие «молоть». Для его выражения в индоевропейском языке имелась глагольная основа настоящего времени типа *\*melami* или *\*molami* «мелю», которая сохранилась в измененном виде в славянском, балтийском, германском, кельтском, итальянском, в связи с чем мы можем восстановить ее древнейшую форму (см. стр. 62). Ни в индо-иранском, ни в армянском, ни в греческом этого глагола нет. Это нельзя объяснить случайностью или тем, что данные народы не были знакомы с изготовлением муки. Именно в этих языках сохранились названия хлебных злаков и глагол со значением «пахать» (последнего корня нет только в индо-иранском). Однако для обозначения

няя понятия «молоть» в этих языках употребляется другой корень: гр. ἀλέω, арм. ałam; четкие следы этого корня остались и в индо-иранском. Итак, понятие «молоть» передавалось по-разному в двух частях индоевропейской территории.

Корень \*melə-, обозначающий «молоть» от славянского до итальянского, известен и в других языках, но в более общем значении: «мять, давить»; скр. mṛṇāti «давит», арм. malet «дроблю», нар. гр. μύλλω, с удвоением μιμύλλω, которое встречается у ионийских народных авторов. Конкуренция между двумя корнями со значением «молоть» иллюстрируется, например, тем фактом, что тогда как в латыни наряду с глаголом molo «мелю» есть существительное mola «мельница», в греческом старое название ручной мельницы (сохранившееся от Индии до кельтов) утрачено и заменено новообразованием от корня со значением «мять, давить»: μύλη «мельница». Как ни мало данных, но само географическое распределение их позволяет выявить историю слов.

Сопоставление карт дает возможность обнаружить иногда удивительные вещи. Так, на юге Франции находится небольшая область, в которой исчезло слово gallu(m), и петуха называют различными странными именами, свидетельствующими о том затруднении, в котором очутились говорящие: faisau «фазан», vicairе «священник». При рассмотрении других карт оказывалось, что в этой области лат. -ll- дало -tt-, так что \*gat «петух» совпало с gat «кот» (<\*gattu(m), которое дало ит. gatto). Обозначать одним и тем же словом петуха и кота было неудобно, и название петуха вышло из употребления; язык попытался заменить его, и следы этих попыток засвидетельствованы. Когда мы встречаемся с подобными необычными способами обозначения какого-либо понятия, приходится предположить, что это — попытки заменить старое название, вышедшее из употребления по той или иной причине; в таких случаях разыгрывается изобретательность говорящих субъектов.

Повсюду, где только можно было применить географический метод, он привел к неоспоримым успехам. Он требует максимально широких наблюдений и учета всех данных по всей языковой области. Благодаря этому сравнительный метод получает недостижимую ранее точность, гибкость и широту охвата.

Этого и следовало, впрочем, ожидать: сравнительная грамматика, учитывающая системы соответствий, нуждается не столько в говорах, которые сами по себе ее очень мало интересуют, сколько в однородных явлениях, обнаруживаемых в совокупности говоров, являющихся продолжением одного «общего языка».

Само собой разумеется, что (как уже отмечалось, см. стр. 31) всякий говор имеет свою собственную систему, и поэтому следует всегда представлять себе место каждого конкретного языкового факта в этой системе. Исключительное внимание к отдельным словам и формам, зарегистрированным путем анкетных наблюдений и нанесенным на карты, может привести к тому, что все исследование сведется к изолированному изучению отдельного слова или маленькой группы слов, отдельной формы или маленькой группы форм. Такое крохоборство погубило бы историческое языкознание. Достоинство лингвистической географии состоит в том, что она выявляет с полной отчетливостью все своеобразие развития каждого слова и каждой формы. Но своеобразие это всегда осуществляется внутри системы, и тот, кто стал бы рассматривать изолированные факты вне системы, рисковал бы впасть в большую ошибку, чем тот, кто рассматривал бы исключительно системы, не подвергая пристальному критическому изучению составляющие их отдельные факты.

## VII. ПОНЯТИЕ СМЕШАННОГО ЯЗЫКА

В течение долгого времени в историческом языкознании считалось само собой понятным, что при передаче языка от поколения к поколению дети воспроизводят, насколько могут точно, речь своей среды. Такое положение кажется нормальным, и, действительно, его можно часто наблюдать в жизни.

Бывает, однако, что народ меняет язык. Это вовсе не исключение: в странах, история которых известна (а письменная история даже в самом лучшем случае охватывает не более пяти тысячелетий, т. е. лишь малую долю общей истории человечества), нет почти ни одного народа, который не сменил бы свой язык, по крайней мере, однажды, а многие меняют свой язык несколько раз.

Из всех стран Египет отличается длительностью своей письменной истории и своим консерватизмом. Однако египетский язык, просуществовав около 4000 лет, не считая доисторического периода, вышел из употребления и был вытеснен арабским языком, хотя основная масса населения не менялась. Македонское завоевание сопровождалось образованием греческой колонии, возникшей преимущественно в Александрии, и вызвало эллинизацию незначительных прослоек в правящих группах, но основная масса населения осталась той же, учитывая даже эмигрантов из Сирии.

На территории современной Франции галльский язык появился в результате кельтского завоевания в первой половине первого тысячелетия до н. э. После римского завоевания он сменился латынью. У нас нет оснований думать, что галльское завоевание привело к смене населения; мы знаем наверняка, что и римское завоевание внесло лишь незначительные новые элементы.

Примеры легко приумножить: смена языка происходит часто. Важно установить, в каких условиях происходят эти изменения и каковы их результаты.

### Распространение общего языка

Удобнее всего рассмотреть тот случай, который встречается в настоящее время почти по всей Европе. В каждой области имеется группа местных говоров общего происхождения и письменный язык, язык цивилизации, обслуживающий все общие нужды края, в том числе его связи с другими частями государства; этот язык является языком государственного управления, школы, печати и т. п. Письменный язык оказывает в подобных случаях сильнейшее воздействие на местные говоры.

В этих условиях возникают два процесса, идущие в противоположных направлениях, но приводящие, в конечном счете, к одному и тому же результату.

Местный говор пополняется заимствованиями из общего языка, так как только последний в состоянии отвечать новым потребностям цивилизации и престиж его соответственно велик: это язык наиболее влиятельных и самых образованных людей. Изучая местные говоры романской Галлии, Жильерон обратил внимание на тот факт, что в поисках выхода из затруднений эти говоры обращались к общепольскому языку. Итак, галло-романские говоры вместо того, чтобы передавать чистую традицию, основанную на истории, содержат очень большую долю общепольских диалектизованных элементов. Современные исследования галло-романских говоров уделяют значительное место процессам адаптации общепольской лексики. Поскольку литературный польский язык и говоры имеют общее происхождение, в исконном фонде их словаря наблюдаются закономерные соответствия; основываясь на этих соответствиях, говорящим на диалекте нетрудно создать из общепольских слов их диалектные варианты или же применить к диалектной лексике структуру предложения литературного языка. К тому же это языковое творчество необразованных людей часто так совершенно, что лингвисту иногда бывает трудно различить в диалекте исконно местное от адаптированного.

Превосходство общего языка и по его богатству и по удобству столь значительно, что в конце концов ему ока-



зывают предпочтение перед местным говором, подобно тому, как городская одежда вытесняет деревенские наряды. Но язык не так легко сменить, как костюм. Если местные говоры Франции в значительной части представляют собой «диалектизованный» общепольский язык, то в деревнях часто говорят на польском диалекте. В большинстве случаев бывает вполне достаточно лишь немного изменить диалектное слово, чтобы из него получилось правильное польское слово; так, диалектное *lwe* надо только произнести *lwa*, и оно станет общепольским *loi* «закон». Несколько сложнее польский слово беррийского диалекта *lawé*: придется не только изменить последнюю гласную, но еще и добавить звук -г, чтобы получить общепольское *lavoig* «мостики для полоскания белья». Упорнее всего держатся прочно засевшие в памяти, почти не осознаваемые грамматические навыки, о чем уже шла речь выше (стр. 29). Но и эти навыки постепенно ослабевают, и мало-помалу местный говор сменяется общим языком. Теперь этот процесс происходит быстро, причем в одних местах быстрее, чем в других; например в центральной Франции говоры быстрее вытесняются, чем в Пикардии. Процесс этот происходит повсеместно, так что можно уже предвидеть момент, когда какое бы то ни было изучение севернопольских говоров делается невозможным, потому что эти говоры совершенно выйдут из употребления. Однако в XVIII в. они широко употреблялись, и еще в первой половине XIX в. речь сельского населения всей Франции сохраняла в значительной степени местные особенности.

То, что происходит во Франции, не ново для истории. В V в. до н. э. почти каждый населенный пункт в Греции имел свой собственный говор. Впоследствии все усиливавшееся воздействие общего языка постепенно уничтожило местные особенности, и по всей Греции распространился единый язык, в основе которого лежала речь Аттики. Этот язык распространился повсюду, несмотря на значительное сопротивление, и в эпоху империи стал общим для всей Эллады. Современные греческие говоры — результат новейших расхождений — продолжают этот общий язык. И довольно трудно обнаружить в том или ином пункте даже незначительные пережитки диалектных различий, предшествовавших установлению общего языка.

Однако распространение общего языка не обходится без противодействий, видоизменяющих этот язык. Тот гре-

ческий язык, который стал общим, уже не является чисто аттическим. Обобщились и распространились повсюду некоторые черты, общие главным образом аттическому и ионийскому, и лишь некоторые особенности, присущие только аттическому. Другие специфически аттические особенности не были усвоены. Например, было оказано предпочтение ионийскому произношению *ss*, а не *tt* в соответствующих формах аттического; поэтому, например, говорилось *μέλισσα* «пчела», как было в ионийском и в большинстве говоров, а не *μέλιττα*, как говорили в Афинах. В связи с тем, что со временем Афины также подчинились общим нормам, аттические особенности совсем исчезли. Например, в IV в. до н. э. в Афинах стали говорить *οὐδέις* «никакой»; но обобщилась не эта аттическая форма, а более старая форма *οὐδέις*, сохранявшаяся в других диалектах, которая восстановилась и в Афинах. Именно из этой обобщенной формы среднего рода *οὐδέν* и развилась современная греческая отрицательная частица *δεν*. Таким образом, общегреческий язык не был непосредственным продолжением только одного диалекта; он включал и элементы других, соседних, но отличных диалектов.

Даже и общепарижский язык, основанный на парижской речи, не мог избежать областных влияний, несмотря на столь сильный во Франции пуризм.

Итак, общий язык всегда является более или менее смешанным языком как по способу своего образования, так и по сложности своего состава.

Такое смешение может зайти далеко. Общеитальянский язык основан на тосканском говоре, но не допускает тосканских особенностей произношения, поэтому часто любят говорить, что итальянский язык — это *lingua toscana in bocca romana*<sup>1</sup>. Общеанглийский язык основан на лондонской речи, но говор Лондона, расположенного в месте скрещения различных наречий, вобрал в себя особенности разных областей. Следовательно, уже потому, что общие языки устанавливаются для обслуживания людей разного происхождения, они не могут опираться на единую традицию даже в самых благоприятных случаях.

Бывают даже случаи сознательного влияния на образование единого языка. Вук Караджич, основавший сербо-хорватскую письменность, опирался сначала на говоры той об-

---

<sup>1</sup> Т. е. «тосканская речь в римских устах».

ласти, где  $h(x)$  был утрачен. Через некоторое время он пришел к выводу, что нужно учесть и говоры более архаичного типа, сохранявшие  $h(x)$ . В результате установленный им литературный сербо-хорватский язык получил в этом отношении смешанный характер и значительную неустойчивость, причиняющую большие неудобства, поскольку население тех районов, где  $h(x)$  исчез, испытывает большие затруднения при его произношении.

### Субстрат

Распространение общего языка происходит не только в тех случаях, когда местные говоры принадлежат к тому же языковому типу и имеют то же происхождение, что и он. Бывает и так, что общий язык резко отличается от местных говоров; тогда многое предстает иначе, но в некоторых отношениях исторический процесс сходен с уже рассмотренным нами.

С одной стороны, туземный язык, на который накладывается общий язык другого типа, сужает область своего употребления, сохраняясь только в низших слоях общества и на периферии. С другой стороны, он пополняется заимствованиями из общего языка. Например, бретонский во французской Арморике полон французских слов и оборотов. Отношение к туземному языку становится небрежным, и он может утратить свои характернейшие черты. Так, бретонский язык Ваннской области резко деградировал. Язык, сохранившийся лишь в местном употреблении, с течением времени все больше теряет свои элементы. Для истории языка это роли не играет, потому что деградировавший до такой степени язык, как правило, в конце концов вымирает совсем.

Все шире распространяется общий язык, более удобный для употребления и служащий признаком социального превосходства. Но люди, начинающие по этим причинам пользоваться общим языком, не могут говорить на нем в точности так, как говорят те, для кого он является родным. Бывшие носители диалекта сохраняют не только местные названия растений, животных, обычаев, для которых в литературном языке нет точных эквивалентов, но и старые навыки речи; особенно это сказывается в произношении: новые звуки, как правило, не воспроизводятся с абсолютной точностью.

Посмотрим, например, что происходит во Франции. Севернофранцузские и южнофранцузские говоры, являясь в равной степени галло-романскими, теперь настолько различаются между собой, что жители северных и южных областей совершенно не понимают друг друга, если говорят каждый па своем диалекте. Когда же на юге страны пользуются общим языком (городское население только его и знает), он звучит своеобразно, причем в каждом районе по-своему. Все гласные на юге становятся более закрытыми, чем па севере; они имеют иной тембр; носовые гласные артикулируются иначе; немые е, размещение которых во французском языке дело весьма тонкое, распределяются неправильно; короче говоря, все южное произношение в целом отличается от литературного. Различия существуют и в грамматике: широко употребляется простое прошедшее, сохранившееся, правда, в письменном языке, но давно вышедшее из устного употребления в Париже. Таким образом, даже во Франции, где школьное преподавание языка унифицировано, где очень сильны пуристические тенденции, а речевые нормы соблюдаются с большой строгостью, даже там распространение общего языка не обходится без серьезной адаптации его к местным языковым навыкам. Распространяясь, французский язык расщепляется на областные варианты, и парижский образец не воспроизводится полностью ни в одной области. Хотя эти областные варианты никогда внимательно не описывались, тем не менее они существуют. Как принято говорить, дает себя знать влияние «местного субстрата», и, судя по тому, что нам известно о распространении общих языков, это влияние представляется непреодолимым.

Влияние школы и письменности, стремление говорящих к правильной речи, безусловно, способствуют унификации общего языка, но абсолютная унификация недостижима. Норма языка может быть везде одна и та же, но не везде она одинаково реализуется.

Причины этого очень глубоки. Опыт показывает, что если приобретенные анатомические признаки не наследуются, то приобретенные навыки передаются по наследству. Использование языка самым тесным образом связано с использованием унаследованных навыков речи. Овладевая новым языком, усваивающие его не теряют этих навыков. Тенденции, проявляющиеся в туземном языке, обнаруживаются и в новом, только что усвоенном. Становится понятным,

таким образом, что наиболее глубокие изменения латынь испытала в тех местах, где она вытеснила другие языки, имеющие совершенно иные тенденции, в частности, галльский язык. Известно, например, что для кельтских языков характерна сильная тенденция к изменению согласных, ассимиляции их соседним гласным и даже к выпадению их в интервокальном положении. И вот оказывается, что нигде латинские интервокальные согласные так не изменялись и в таком количестве не исчезали, как на галло-романской территории и особенно во французском языке: лат. *l̥erogem* > франц. *lièvre* «заяц», лат. *amatam* > франц. *aimée* «любимая». Естественно предположить, что самые характерные новообразования французского языка обусловлены не только тем, как в Галлии говорили по латыни, но всей совокупностью унаследованных навыков, принадлежавших галлам. Формулируя таким образом нашу гипотезу, мы сразу освобождаемся от всех возражений, когда-либо выставлявшихся против теории субстрата. Переход закрытого *u* в *ü* на галло-романской территории и в Эльзасе должен рассматриваться не как непосредственное развитие какой-то галльской особенности, а как отдаленное следствие определенных приобретенных навыков речи, передаваемых по наследству.

Частые возражения, которые раздаются против этой теории, представляющей хотя бы частичное объяснение различию форм, которые общий язык принимает, распространяясь на разных территориях, вытекают из слишком механического подхода к явлениям языка. Разумеется, нельзя ожидать, что особенности «субстрата» проступят сразу в вытеснившем его языке. Это сложный процесс, проявляется он незаметно и отнюдь не бросается в глаза.

Итак, мы приходим к выводу, что язык, распространившийся на новые территории, является всегда более или менее смешанным языком, ибо сквозь общую норму действуют, несомненно, очень глубокие местные влияния — следы навыков и привычек, унаследованных местным населением.

### Займствования

Впрочем, язык может принять новый вид не только под влиянием таких сложных процессов; для этого достаточно даже заимствований, если число их велико. Уже тот факт,

что бо́льшая половина английского словаря заимствована из латинского и французского, отличает английский от других германских языков. В английском изменилось даже произношение, потому что заимствованные слова сохраняли свое ударение, и, следовательно, характерное для германских языков ударение на первом слоге в английском перестало быть нормой.

Заимствуются обороты речи: слав. «что за» является, возможно, калькой с нем. «was für». Появляются слова и выражения, составленные из элементов разного происхождения: так, гр. *καθ' ἑνα* (букв. «по одному») было полузаимствовано, полускалькировано в латыни, дав \**cata-uno*, \**cat-uno*, откуда исп. *cadauno*, ит. *caduno* «каждый».

Тот, кто рассматривает заимствования, предполагает, что говорящие сознают различие обоих языков. И действительно, когда говорящий пользуется одним определенным языком и знает, что говорит именно на этом языке, будь то язык с богатой и сложной морфологией (индоевропейский, семитский или банту) или с морфологией относительно небогатой, но четко различающей грамматические категории, он ни в коем случае не смешивает грамматику одного языка с грамматикой другого. Как бы ни деградировал бретонский язык, житель Ваннской области всегда знает, на каком из языков он говорит: на французском или на бретонском, так как эти языки глубоко различны по своему грамматическому строю. Н. Марр высказал предположение, что в армянской морфологии, имеющей ярко выраженный индоевропейский характер, содержатся элементы, восходящие к речи доиндоевропейского населения Армении, но он не сумел доказать этой гипотезы и не убедил в ней никого из арменистов за пределами своей школы.

Легче представить себе возможность заимствования грамматических конструкций, когда имеешь дело с очень бедными в отношении морфологии языками, вроде дальневосточных, где основную роль при построении предложений играют порядок значимых слов и служебные слова. Аннамит способен примешать к собственному языку черты китайского языка. Взаимопроникновение подобных языков как будто не представляет особых затруднений. Поэтому, может быть не случайно, обнаружить и установить родственные отношения дальневосточных языков удавалось с большим трудом.

## Смещение языков

В действительности до сих пор еще не встречалось случая, когда можно было бы объявить морфологическую систему данного языка результатом смещения морфологических систем двух разных языков. Во всех случаях, которые приходилось наблюдать до настоящего времени, мы имеем дело с непрерывной традицией одного языка. Этот язык мог принять в себя большее или меньшее число заимствований, которые могли повлиять в той или иной мере на словообразование; он мог передаваться от поколения к поколению или быть воспринятым другим народом, утратившим собственную речь, — но при всех обстоятельствах продолжается единая непрерывная традиция морфологической системы этого языка.

Нельзя, однако, отрицать возможности появления в особо благоприятных условиях действительных «смещений». Но лингвист столкнется с трудностью, если они будут обнаружены. Мы смогли установить, пользуясь сравнительным методом, историю ряда языков, потому что могли уверенно объяснять всякую новую систему как результат развития одной определенной старой системы. Если же нам придется учитывать две исходные системы и их взаимодействие, современная методика окажется непригодной. Необходимость непрестанно выбирать между двумя рядами исходных форм приведет к такому произволу, что, по существу, ничего нельзя будет доказать. К счастью, несмотря на все гипотезы такого характера, языковеды еще ни разу не сталкивались с подобным затруднением. Если же оно действительно встретится, языкознанию придется для преодоления его выработать новые методы, более тонкие, чем описанные здесь, и испытать их на деле.

## VIII. ОБЩИЕ ФОРМУЛЫ ИЗМЕНЕНИЙ

Язык каждой социальной группы стремится быть единым как в соответствии с своим назначением служить средством общения между членами общества, так и вследствие того, что внутри каждой социальной группы естественным является взаимное стремление ее членов стать похожими друг на друга. Способ произношения, грамматические навыки во многом совершенно одинаковы у говорящих на одном и том же языке. Особенности форм, тончайшие смысловые оттенки, которые не сможет различить и сформулировать даже самый щепетильный грамматист, часто почти без изменения удерживаются в течение многих поколений. Это единство в мелочах не исключает больших расхождений по некоторым пунктам, но такие частичные расхождения возможны как раз потому, что язык имеет единую основу, потому, что члены одной группы чувствуют, что принадлежат к одному языковому типу.

### Всеобщность изменений

Происходящие изменения должны распространяться на всю группу носителей языка, иначе произойдет ее распад. И действительно, установлено, что изменения в языке распространяются на всех говорящих. Только общность дает жизнь языку; если бы каждый говорящий стал самостоятельно вносить изменения в язык, язык перестал бы отвечать своему назначению. Как сохранение прежних навыков, так и нововведения бывают всеобщими. Однако нет еще достоверных данных относительно того, каким образом устанавливается эта всеобщность. Замечено только, что нововведения бывают частично общими, а частично обобщенными. Они вызываются одинаковыми для всех говоря-



ших условиями, но закрепление их зависит в значительной мере от потребности говорящих к языковому единообразию. Общество, как правило, решительно противится введению в язык индивидуальных новшеств.

То, что изменение является не просто более или менее удачным обобщением индивидуальных новшеств, подтверждается появлением параллельных изменений, однородность которых ясна лингвисту, тогда как говорящие замечают только различия. Прекрасный пример такого рода представляют романские языки. Латинские долгое *ō* и краткое *ŷ* дали в большинстве романских наречий закрытое *o*; так, например, разные ударные гласные в лат. *pōdum* «узел» и *gulam* «глотка» дали один и тот же звук *eu* в совр. франц. *poeud* и *gueule* (различие в написании не имеет значения, а наблюдаемые в современном французском языке различные оттенки произношения объясняются разницей позиции). Точно так же долгое *e* и краткое *ĭ* латыни совпали в закрытом *e*, которое во французском языке подверглось дифтонгизации, например: лат. *mĕ* > франц. *moi* «мне», а лат. *bibit* > франц. *boit* «пьет». Оба смешения обусловлены одними и теми же факторами, прежде всего утратой количественных различий и тем обстоятельством, что в латыни долгие гласные были закрытыми, а краткие — открытыми; таким образом, бывшее *ō* сблизилось с бывшим *ŷ*, а *e* — с *ĭ*. Отношение *o* к *ŷ* подобно отношению *e* к *ĭ*, но для говорящих этот факт теории не заметен. Параллельность новобразований объясняется одинаковым действием одинаковых условий.

Если, таким образом, у различных лиц, не воздействующих друг на друга, наблюдаются одинаковые и параллельные между собой новообразования, то они возможны благодаря тому, что в определенной мере вызваны одними и теми же обстоятельствами.

### Примеры общих формул изменений

Все лингвисты, которым приходилось заниматься рассмотрением фонетических изменений и устанавливать регулярные соответствия между разными языками, замечали, что изменения эти следуют каким-то общим типам. Некоторые типы изменений встречаются очень часто. Например, взрывные согласные, обычно называемые задненёбными, подвержены палатализации, когда предшествуют передненёбным звукам: полугласному *i*, гласным *i*, *e* и даже пере-

двинутому в передний ряд а. Мы отмечаем это явление (т. е. переход  $k, g > k', g'$ ) в таком, например, французском слове, как *qui* «который», где первый согласный звучит иначе, чем в *soi* «шея». Палатализованные  $k'$  и  $g'$  в дальнейшем могут перейти в аффрикаты  $tʃ, dʒ$  ( $č, j$ ) или  $ts(c), dz$ , а аффрикаты могут упроститься в спиранты  $ʃ, ʒ$  и  $s, z$ . Так, лат. *cinere(m)* дало франц. *endre* «зола», а лат. *carbōne(m)* > франц. *charbon* «уголь». Подобные изменения встречаются чуть ли не во всем мире, в языках самых различных семей.

Но есть и более сложные явления, описанные Граммном в его капитальном труде о диссимиляции согласных. Если какое-нибудь движение органов речи должно повториться внутри одного звукового комплекса, говорящий стремится избежать этого повторения.

Эта тенденция в разной степени затрагивает разные фонемы: некоторые артикуляции являются сравнительно трудными и замедленными, их близкое соседство мешает говорящим. Так, часто избегают повторения характерных для  $l$  и  $r$  положений языка и опущения нёбной занавески, существенных для артикуляции  $p$  и  $m$ .

Отмена движений совершается в определенном порядке. Так, лат. *uenepum* дает ит. *veleno* «яд», при этом одно из двух  $p$ , а именно первое, утрачивает характерное опущение нёбной занавески и превращается благодаря этому в  $l$ . Так бывает всегда: из двух  $p$ , оказавшихся поблизости друг от друга, назализацию утрачивает первое (разумеется, если этому не препятствуют какие-либо особые обстоятельства). Характер диссимиляции определяется общими условиями, которые вполне поддаются учету: Граммон сумел определить их и дать точные формулы.

Наличие таких формул позволяет нередко установить, как происходило новообразование. Известно, что в языках, где решающую роль в слове играет ударение, гласные ударных слогов развиваются совсем не так, как гласные безударных слогов; безударные же, в свою очередь, имеют два типа изменений, в зависимости от их положения по отношению к ударению, т. е. как предударные и как заударные.

В некоторых языках безударные гласные имеют тенденцию утрачивать как часть своего количества, так и значительную долю своего специфического качества и редуцироваться до более или менее нейтрального звучания. Таково совр. нем. безударное  $-e$ , которое может основываться на

древних гласных любого тембра. Подобные же изменения наблюдаются в современном русском языке, где безударные гласные становятся все менее четкими и в.е в большей степени утрачивают свой характерный тембр, тогда как ударные произносятся четко.

В других языках, напротив, при изменении безударных гласных важное значение имеет их качество, а именно, степень открытости; так, в современных северногреческих диалектах безударные е и о перешли в і и и, а безударные і и и полностью редуцировались и выпали.

Дело в том, что в немецком, английском и русском ударные слоги выделяются прежде всего силой: они гораздо сильнее безударных; в современном же греческом языке гласные ударных слогов отличаются главным образом своей долготой: они длительней безударных. Поэтому, если безударные гласные проявляют тенденцию к утрате своего тембра, то причиной этого является большая сила ударяемых гласных; если же безударные гласные проявляют тенденцию становиться закрытыми ( $e > i$ ,  $o > u$ ), то это происходит вследствие большей длительности ударных. Безударные і и и по своей природе короче, чем е и о; они больше не могут сократиться, и им остается только исчезнуть.

Итак, явления, подобные имевшим место в северногреческом, заставляют нас предполагать наличие количественных различий. У нас нет никаких оснований приписывать армянскому языку ударение, равное по силе английскому, немецкому или современному русскому, так как в современном армянском языке ударение слабое. Обнаружив, что в древнеармянском языке безударные і и и исчезли, тогда как а, е и о сохранялись, мы должны предположить, что там, как и в северногреческом, ударные гласные были значительно более длительными, чем безударные. Точно так же нет основания думать, что в общероманском языке, иначе называемом вульгарной латынью, ударение отличалось силой, тем более что современный французский язык имеет весьма слабое ударение. Предположение, что в начальный период своей истории французский язык имел сильное ударение, подобное немецкому или русскому, совершенно не обосновано. Следовательно, не это может объяснить значительное сокращение гласных, наблюдаемое во французском языке (по сравнению с латынью): *camera > chambre* «комната» не потому, что слог са- произносился с большей силой, чем -те- или -га. Развитие шло

скорее по северногреческому пути, и действительно, самый открытый гласный а пострадал меньше всего:  $\text{nou}(m) > \text{neuf}$  «новый», а  $\text{nou}(am) > \text{neuve}$  «новая»; уже в самых ранних французских текстах -и- исчезло в  $\text{nou}(m)$ , тогда как -а- в  $\text{noua}(m)$  только ослабевало и давало затем -е, которое в слове  $\text{neuve}$  перестало произноситься сравнительно недавно.

Изучение общих условий звуковых изменений только началось. Однако уже сейчас мы располагаем значительным количеством достоверных фактов. Мы знаем, например, что согласный в сопровождении другого согласного бывает сильнее, т. е. устойчивее, чем интервокальный согласный. Интервокальное -t- лат.  $\text{dōtāre}$  исчезло (франц.  $\text{douer}$  «наделять»), но -t-, предшествуемое -k-, сохранилось: лат.  $\text{lactūsa}$ , франц.  $\text{laitue}$  «салат». Лингвист вполне может руководствоваться такими констатациями.

Точные формулы найдены еще не для всех случаев. Однако всякий раз следует учитывать индивидуальные особенности отдельных фонем. Так, например, наличие предшествующего согласного далеко не укрепляет  $\dot{i}$ , как другие согласные, но, наоборот,  $\dot{i}$  сливается с предшествующим согласным, утрачивая собственную индивидуальность и глубоко изменяя предшествующий звук. Можно написать целое исследование о различных сочетаниях  $\dot{i}$  с другими согласными и многообразных результатах этих сочетаний (Шлейхер уже пытался, хотя и преждевременно, сделать это).

Встречаются и сложные случаи: интервокальные группы согласных, как, например, -mp-, могут изменяться по-разному. В итальянском -p- развивается как опорное, и поэтому  $\text{sonpi}(m)$  «сон» дает  $\text{sonpo}$ ; во французском, напротив, -mp- представляло собой чисто взрывное сочетание, в котором преобладало -m-, откуда  $\text{sonpm}$ ; наконец, в испанском образуется сложная форма, в которой мы не узнаем ни m, ни p:  $\text{sueño}$  «сон». Все попытки свести эти варианты к единой формуле будут безуспешны. Но из того, что эти формулы не могут охватить все развитие в целом от момента возникновения до различных более или менее отдаленных конечных моментов, еще не следует, что устанавливать формулы вообще невозможно. Формулы общей эволюционной фонетики применимы только к тем конкретным моментам, когда происходят отдельные частные изменения. Если  $\text{sonpi}(m)$  дало в итальянском  $\text{sonpo}$ , то это означает, что

в момент ассимиляции *-mp-* представляло собой сочетание двух различных согласных, в котором *-p-* было опорным. Если *sonpi(m)* в французском перешло в *sonpme*, то это означает, что к моменту изменения *-mp-* представляло собой очень слитное звукосочетание, в котором *-p-* утратило свою самостоятельность. Отсюда можно сделать тот вывод, что в подобных звукосочетаниях носовое *-p-* склонно утрачивать свойства опорного согласного, что объясняется особым характером носовых *m* и *p*.

Наконец, — и это самое существенное — формулы общей эволюционной фонетики означают возможность, но не необходимость. Можно определить, каким образом должен измениться согласный, оказавшись между гласными, но из этого еще не следует, что он изменится. Очутившись между гласными, *-k-* может измениться либо в гортанный спирант *x* (нем. *ch*), либо в звонкий взрывной *g*; *x* и *g* могут претерпеть в дальнейшем другие изменения, обусловленные их интервокальным положением. Так, например, романск. *k*, в конце концов, превратилось во франц. *i* в случаях, подобных *ausa > oie* «гусь» (современное произношение *wa*); индоевропейское же интервокальное *-k-* повсюду удержалось в славянском, и то *k*, которое звучит в совр. польск. *piekę* «я пеку», восходит еще к индоевропейскому (*-i-* во франц. *cuís* «пеку» представляет тот же элемент, но претерпевший множество последовательных изменений).

### Морфологические формулы

В морфологии правила не так строги, как в фонетике. Морфология — та область, где сохраняются пережитки.

Любая грамматическая категория, которая объясняется складом ума людей определенного типа общества, сохраняется долгое время и после изменений, происшедших в складе ума. Люди, ко- орые видят внутренние движущие силы событий и явлений природы, могут делить понятия на одушевленные и неодушевленные, систематически отличать в одушевленном мужское начало или уподобляемое ему от женского начала и уподобляемого ему. Отсюда ясно, почему название плодоносящего дерева — женского рода, а название плода — среднего (т. е. неодушевленного). Но в Риме в I в. н. э. так уже не мыслили, и потому противопоставление *rigus* «груша (дерево)» (женского рода) и *rigum*

«груша (плод)» (среднего рода) было уже только пережитком. В современном французском языке странным было бы слышать *la ciel* «небо» (вместо нормального *le ciel*) или *le terre* «земля» (вместо *la terre*), хотя никто и не мог бы сказать, почему; с нашей точки зрения, это необъяснимо; таким образом существительные противопоставляются друг другу по грамматическому роду только в силу вековой традиции.

Есть и другая категория, которая имела важное значение и широкое употребление и которая начинает утрачивать свое значение и становится малоупотребительной. В системе латинского глагола сослагательное наклонение занимало значительное место, оно играло доминирующую роль в латинском синтаксисе. Но, начиная с общероманского периода, роль сослагательного наклонения непрерывно сокращалась. Теперь во французском языке сослагательное наклонение используется лишь как заместитель недостающих форм повелительного наклонения: наряду с *viens* «приди», *venez* «придите» употребляется *qu'il vienne* «пусть он придет», *qu'ils viennent* «пусть они придут». Есть еще обороты, в которых употребление сослагательного наклонения обязательно: *je veux qu'il vienne* «я хочу, чтобы он пришел», *il faut qu'il vienne* «надо, чтобы он пришел». Но вообще в современном французском языке сослагательное наклонение уже потеряло свое значение и все реже употребляется в разговорном языке. В литературном языке мы еще находим *je doute qu'il vienne* «я сомневаюсь, чтобы он пришел», но в повседневной речи предпочитают говорить: *je doute s'il viendra* «я сомневаюсь, придет ли он». Выражения же, подобные *s'il fait cela et qu'il dise ce qu'il pense, il aura tort* «если он сделает это и скажет, что он думает, он будет неправ», являются теперь архаизмами.

С этой оговоркой морфология так же, как и фонетика, развивается по общим формулам. Примером может служить одна из важнейших черт развития индоевропейских языков.

В общем индоевропейском имя существительное и глагол были в равной мере флективными. Не было формы имени, например, именительного падежа, от которой все остальные были бы производными; имя слагалось из совокупности падежных форм, ни одна из которых не доминировала над другими. Так, в латинском языке не было одного слова «волк», а лишь совокупность форм: *lupus* (им.), *lure* (зват.),

lurim (вин.), lurī (род.), lurō (отл.), причем ни одна из этих пяти форм не была исходной для других, так же как не было исходной формы для образования множественного числа lurī (им.), lurīs (дат.), lurōgim (род.), lurīs (отл.). Не было имени «человек», но существовала совокупность: homō (им.), hominet (вин.), hominis (род.), hominī (дат.), homine (отл.) и т. д. Точно так же не было подчиняющей другие формы «идти», но существовали равноправные формы: eo «иду», is «идешь», it «идет», а также ibam «ходил», ibō «пойду», eam «пусть я пойду», igem «пошел бы», и т. п.

Но в ходе развития индоевропейских языков имена повсюду, где раньше, где позже, имели тенденцию сокращать свою флексию: за исключением древних форм индо-иранских языков, ни один индоевропейский язык не представляет всех форм склонения полностью. С течением времени склонение во многих языках вовсе исчезло, например в романских, в английском, в персидском; в других языках форма именительного падежа заняла господствующее положение, как, например, в славянском, или же послужила исходной для образования других форм, как в армянском. Напротив, все эти языки сохранили глагольную флексию, хотя и не столь богатую, как в общеиндоевропейском, но все же разнообразную, сложную, обладающую многими формами. Сопоставление французского глагола, обладающего еще огромным количеством разнообразных форм, и неизменяемого французского имени весьма знаменательно.

Это не единственный случай. Общесемитский язык также располагал именной флексией — из трех падежей, различавшихся окончаниями; но только древнейший аккадский (вавилонский) язык и классический арабский дают представление об этом; новоаккадский и современный арабский утратили именную флексию; наоборот, семитский глагол сохранил повсюду, даже в столь изменившемся языке, как арамейский, богатое формами спряжение. И вообще, подобный контраст между отсутствием именной флексии и богатством глагольной флексии наблюдается нередко.

Это зависит от природы имени и глагола. Имя выражает понятие постоянного характера: предмет, лицо, качество; глагол выражает процесс, будь то действие в собственном смысле слова или же состояние: «ест, спит» и т. п. Именно потому, что имя выражает постоянное понятие, оно обладает единственной формой или, в крайнем случае, основной формой, от которой образуются прочие формы. Напротив,

глагол, обозначающий процесс, обладает личными формами и разными, смотря по языку, оттенками, которых может быть немало. Тот факт, что формы имени и формы глагола развиваются в разных направлениях, вытекает, следовательно, из самой природы вещей.

Как в отношении фонетики, так и в отношении морфологии общие формулы развития обусловлены обстоятельствами, общими для всех людей или по крайней мере для отдельных типов цивилизации.



## IX. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ

Условия развития языка, общие для всех людей или для отдельного типа цивилизации, обеспечивают сохранение его единства. Но есть также условия, присущие лишь определенным человеческим обществам, определенным эпохам, определенным территориям. Эти особые условия и бывают причиной того, что язык, единый в определенную эпоху, распадается со временем на различные наречия.

Система языка существенно не изменяется, пока не появятся тенденции нового характера. Преобразования, вызванные общим стремлением к изменению, обычно не приводят к появлению новых фонем. Так, когда в результате диссимиляции какая-нибудь фонема утрачивает один из своих элементов, язык не сохраняет особой фонемы, возникшей непосредственно в результате этого процесса. Например, в древнем *venepo* первое из двух *p* утратило опущение нёбной занавески, в результате чего не появилось, как можно было бы ожидать, очень слабого деназализованного взрывного; эта фонема, артикуляция которой была бы мало заметна, тотчас же была заменена существующей в языке фонемой близкого типа, и получилось *velepno* «яд, отравка»; *p*, утратившее носовой оттенок, существовало только в потенции. В результате изменения в итальянском языке появилось еще одно слово с *l*, но не прибавилось нового звука.

Факты такого рода наблюдаются часто. Сравнительно недавно французский язык лишился одной из часто встречающихся фонем — мягкого *l*. Это было только незначительным упрощением артикуляции, так что никакого заметного изменения артикуляционной системы не произошло. В результате устранения мягкого *l* не создано никакой новой фонемы: мягкое *l* упростилось в *j*, т. е. дало звук, часто встречавшийся и прежде в таких словах, как *miel* «мед»,

piéd «нога», jeux «глаза», аїеих «предки», и т. п. После этого изменения j стало гораздо чаще употребляться во французском языке, но звуковая система от этого не изменилась.

Древние сочетания \*sq- и \*tq- перешли в армянском в k (так называемое «k придыхательное»). Это упразднило согласный q, но создавшееся таким путем k не отличается от k иного происхождения, уже существовавшего в армянском в таких словах, как kаn «что» или lkaпem «оставляю».

В морфологии употребление существующих категорий лишь расширяет простое действие аналогии, но не создает новых категорий. Если франц. dites «скажите», faites «сделайте» заменяются формами disez и faisez, то это не значит, что в языке возникли формы нового типа, ибо уже известны lisez «читайте», taisez «молчите» и т. д. Если в греческом наряду с *ἔσταμεν* стали образовывать *ἔστηκα* с суффиксом -k- по образцу *ἔθηκα*, *ἔθεμεν*, то это было лишь упрощением в образовании перфекта. Распространение этого способа, первоначально употреблявшегося лишь в двух или трех глаголах, сильно расширилось, но ни нового способа, ни новой категории не было создано.

Опыт показывает, что новые явления возникают и в фонетике, и в морфологии. В каждом индоевропейском языке наблюдаются новобразования, которые изменяют язык, вводя в него не употреблявшиеся ранее фонемы, новые грамматические формы и даже новые категории. Все это — специфические новообразования, которые нельзя свести к какой-нибудь одной тенденции общего характера.

### Фонетические изменения

В индоевропейском языке существовали глухие взрывные, имевшие сильную артикуляцию и не сопровождавшиеся придыханием, так что вибрации голосовых связок при гласных следовали тотчас же за взрывом. Это глухие p, t, k, которые встречаются в романских, балтийских, славянских, иранских языках. Были также и звонкие взрывные, артикулировавшиеся слабее и сопровождаемые вибрациями голосовых связок с самого момента имплозии; таковы b, d, g тех же языков. В армянском, в германском и даже в кельтском (в последнем не так решительно) эти типы были вытеснены другими: артикуляция p, t, k стала слабее, между взрывом и началом вибраций голосовых связок, характеризую-

щих гласную, появилось придыхание; что касается b, d, g, то работа голосовых связок стала запаздывать, и они приблизились к глухим (на француза такие b, d, g в произношении, например, немца производят впечатление неудавшихся p, t, k). Следовательно, система артикуляции взрывных целиком изменилась. Новая система оказалась менее устойчивой, чем старая; в то время как языки, оставшиеся верными индоевропейскому типу, до сих пор сохраняют его старое состояние, особенно в начале слов или в опорной позиции (после согласного), в языках, изменивших древнее состояние, появились многочисленные индивидуальные новообразования, часто нарушающие параллелизм; например, армянский и кельтский утратили старое начальное r. Это глубокое изменение артикуляционного типа произошло, вероятно, внезапно, когда индоевропейский язык распространился на новые народности.

Но бывают другие частные изменения, которые часто происходят много времени спустя после изменения языка и совершаются постепенно, повидимому, в силу унаследованных тенденций. Так, в германских языках произношение гласного следующего слога подготавливается уже в момент произношения предыдущего гласного: это имеет большие последствия. Индоевропейские гласные были либо переднего, либо заднего ряда; различие рядов было точно определено. Напротив, германские языки имели тенденцию подготавливать произношение i или j еще в момент произнесения, например, a или o, в результате чего образовались смешанные гласные типа французских eu, ü<sup>1</sup>. Эти смешанные гласные значительно различались в отдельных германских языках и наречиях. Благодаря этому произошли чрезвычайно сложные явления, особенно в древнеанглийском и в скандинавских языках, которые завершились в основном незадолго до исторической эпохи или уже в историческую эпоху, хотя намечались давно. Это пример еще одного новообразования, в данном случае в германских языках, затронувшего всю систему гласных в целом и коренным образом преобразовавшего ее.

Новообразования, обусловленные одной и той же тенденцией, могут совершаться в довольно отдаленные друг

---

<sup>1</sup> Здесь имеется в виду так называемый «умлаут», состоящий в комбинаторном изменении гласного под влиянием гласного переднего ряда в последующем слоге или j. — *Прим. ред.*

от друга эпохи. Так, соответствующие гласным *i* и *u* согласные *i* и *u* исчезли в греческом языке. Но если *i* не было известно ни одному греческому диалекту задолго до исторической эпохи (а поэтому, когда был введен финикийский алфавит, знак *i* мог быть использован только для обозначения гласного *i*), то *u* (которое в греческом называется дигаммой) долго удерживалось еще и в историческую эпоху; памятники многих говоров сохраняют все прежние *u*; другие, удерживая начальное *u*, уже утратили интервокальное. Некоторые особенности аттического диалекта свидетельствуют, что *u* существовало в нем еще перед началом исторической эпохи. Следовательно, исчезновение *u* произошло намного позднее исчезновения *i*. Тем не менее, оба явления обусловлены одной и той же основной тенденцией; к тому же греческий язык благодаря этому процессу значительно изменил свой внешний вид, что можно заметить, сравнивая его с индоевропейским.

Иногда единство тенденции заслоняется частными изменениями. Так, в романском древние *i* и *u* имели тенденцию приобретать в начальном положении более консонантный характер, чем они имели в латыни. Полугласный *i* перешел в *dʒ*, откуда франц. *j*; так, из *iam* возникло ит. *gia* «уже», франц. *ja-* (в *jamais* «никогда»). В большей степени стал согласным и *u*. Так как в латыни уже существовал губнозубной глухой *f*, а соответствующего звонкого *v* не было, консонантная форма *u* заполнила эту пустую клетку фонетической системы. Будучи устойчивыми согласными, спиранты *f* и *v* больше не изменялись. Таким образом, исчез параллелизм в развитии согласных *i* и *u*. Латинский утратил интервокальное *-i-* еще задолго до исторической эпохи, тогда как согласный *u* сохранился; позднее интервокальное *-u-* также стало спирантом, т. е. *-v-*.

### Морфологические изменения

В морфологии также существуют специфические тенденции, в результате которых происходят и утраты, и новообразования.

Есть несколько индоевропейских языков, в которых исчез грамматический род. Несомненно, это различие уже много веков не имеет опоры в мышлении цивилизованных людей. Но все же оно до сих пор сохраняется в романских, немецком, славянских и других языках, где при отсутствии

семантического значения оно занимает значительное место среди грамматических явлений. Нет оснований думать, что в армянском, где сохранилось различие именных основ на -o- краткое и на -ō- долгое, было больше причин для его исчезновения, чем, например, в немецком. Но в армянском от грамматического рода не остается никакого следа. Здесь, безусловно, проявилась местная тенденция, так как в соседнем, западноиранском, различие рода также утратилось. Не случайно родовые различия отсутствуют также в соседнем эламском и в смежных южнокавказских языках. Влияние субстрата сказалось здесь в исчезновении определенной грамматической категории.

Несмотря на богатство своей именной флексии, балтийские языки утратили различие мужского и среднего рода еще тогда, когда формы, которые служили для выражения мужского и среднего рода, отчетливо различались. Конечно, -as и a в литовском, соответствующие лат. -us и -um, произносились четко. И все же различие мужского и среднего рода, еще существовавшее в древнепрусском в конце XIV в., исчезло в латыни и литовском языках. Тут мы видим особую тенденцию, которую можно объяснить скрещением народностей, говоривших на лытышско-литовском, с народностями, говорившими по-фински.

Новообразования более характерны, чем утраты. В индоевропейском языке глагольные основы всегда выражали вид: длительный (настоящее время), действие, взятое само по себе (аорист), законченное действие (перфект), завершенное действие (определенный вид) и т. д. Но они никогда не выражали времени. Не было особой формы для выражения будущего времени. Настоящее и прошедшее различались лишь окончаниями, имевшими еще и другое назначение, а также приращением (аугментом), т. е. вспомогательной частицей, которая встречалась только в одной группе диалектов: в индо-иранском, армянском и греческом. Позднее кельтский и итальянский широко развили выражение категории времени в глагольных основах, и эта категория стала доминирующим элементом в кельтском и итальянском спряжении. Это чрезвычайно характерно, но это не дает основания считать кельтский и итальянский «смешанными» языками, так как время выражается в них новыми способами, неодинаковыми не только в кельтском и итальянском, но и в оскско-умбурском и в латинском и даже в оскском и в умбурском.

Всюду или почти всюду в диалектах индоевропейского языка падежных форм для обозначения конкретных отношений оказалось недостаточно: для указания местонахождения или направления к падежам добавляют предлоги, которые потом вытесняют падежные формы. Впрочем, литовский сохранил не только ярко выраженный местный падеж (локатив), но образовал еще иллатив, отличный от винительного. Правда, локатив и иллатив содержат послелого, но, с точки зрения литовского языка, они оформлены как типичные и настоящие падежи. Здесь еще раз поражает совпадение с финским типом. Но, тем не менее, ни одна финская грамматическая форма не проникла ни в литовский, ни в латышский.

Чтобы понять развитие языков, важно уметь отличать частные тенденции от общих формул. Тогда и новообразования, и сохранение старого приобретают значение, которого они иначе бы не имели.

Разумеется, недостаточно обнаружить своеобразные изменения для того, чтобы определить «субстрат», на основе которого развивался весь вновь усвоенный язык, или даже для того, чтобы иметь право утверждать наличие иноязычного субстрата. Но такой подход дает право поставить вопрос и получить отправную точку для его разрешения.

Что бы ни понимали под «субстратом», всегда необходимо отличать изменения, определяемые общими закономерностями языка, от изменений, свойственных только отдельному языку. Когда рассматриваются длительные периоды исторического развития, почти всегда выявляются какие-нибудь характерные новообразования.

## Х. НЕОБХОДИМОСТЬ НОВЫХ УТОЧНЕНИЙ

Перечисленные выше выводы разнотипны. Некоторые из них относятся к историческим фактам, например: итальянский, испанский, португальский, французский, румынский являются различными формами, воспринятыми латинским языком. Другие выражают общие возможности: интервокальный согласный подвержен таким изменениям, которым не поддаются ни начальный согласный, ни согласный, имеющий опору в предшествующем. Но в обоих случаях способ доказательства одинаков. Мы говорим: соответствия между итальянским, испанским и пр. таковы, что они исключают случайность; различия в развитии интервокальных, начальных и опорных согласных таковы, что они исключают случайность. Следовательно, вся проблема метода сводится к определению случайности: замечая, что игральные кости часто падают одной и той же стороной, языковед может заключить, что кости крапленые. Но сколько и какие соответствия нужно встретить, чтобы сделать вывод, что случайность совпадения исключена?

Нельзя опереться на теорию вероятности, так как соответствия неоднородны и неравноценны. Теория вероятности применяется с пользой только к фактам качественно тождественным и соизмеримым. Не так обстоит дело с языковыми фактами.

Именно потому, что качество, отдельные особенности языковых фактов должны расцениваться в каждом случае особо, от такта, от способности суждения и от здравого смысла языковедов зависит, будет ли из фактов извлечено то, что они могут дать. Не все языковеды одинаково воспринимают вещи. Те, кто правильно оценивают фонетические изменения, иногда плохо отдают себе отчет в том, как сами говорящие употребляют данное слово; способности и знания,

позволяющие хорошо уяснить развитие грамматических форм, — это не те способности, благодаря которым угадываются прихотливые проявления «народной этимологии». Этим «личным коэффициентом» объясняются многие расхождения языковедов. А есть и такие путаники, которые не способны правильно оценить значение какого бы то ни было соответствия. Но путем упражнения и изучения рядов прочно установленных фактов приобретается опыт, благодаря которому можно правильно судить о различных типах сравниваемых явлений. Вот примеры особо тонких сопоставлений, иллюстрирующих трудности доказательства.

### Трудности доказательства

Установлено, что в кимрских, как и в гаэльских диалектах<sup>1</sup>, интервокальные согласные развиваются иначе, чем начальные согласные. Общая тенденция проявляется в том, что в обеих группах кельтских языков начальные согласные слов, тесно связанных в предложении с предшествующими словами, развиваются как интервокальные. Но результат получается различный в каждой группе: в гаэльском интервокальные глухие взрывные становятся глухими спирантами:  $t > p$ ,  $k > \chi$ ; в кимрском же эти взрывные озвончаются:  $t > d$ , а  $k > g$ . Удвоенные звонкие согласные, которые артикулируются с большей силой, чем простые, не изменяются. Различие в развитии глухих в гаэльском и в кимрском, по всей вероятности, зависит от различных особенностей этих языков; так, в гаэльском некоторые звонкие по природе согласные имеют тенденцию к оглушению, чего нет в кимрском. В гаэльском начальное  $ç$  перешло в  $f$ , тогда как в кимрском оно дало  $g^v$ ; в гаэльском начальное  $i$  перешло в  $h$ , а затем совершенно исчезло, а в кимрском  $i$  сохраняется как  $j$ . Языковед отмечает это совпадение. Тому, кто допускает, что форма фонетических изменений зависит прежде всего от звуковой системы языка, оно покажется знаменательным. Но, быть может, не каждый согласится с этим выводом.

Частные совпадения тем более доказательны, чем меньше они отвечают общим тенденциям. На основании некоторых

---

<sup>1</sup> К кимрской группе относятся языки валлийский (в Уэльсе), бретонский и вымерший корнский (в Корнуэльсе), к гаэльской — ирландский, шотландский и диалект о. Мэна. — *Прим. ред.*



совпадений устанавливается, что италийские и кельтские языки ведут свое начало от одного и того же диалекта индоевропейского языка.

Одним из наиболее любопытных совпадений является то, что старая форма числительного «пять» \*penkʷe (скр. райса, гр. πέντε) дала в итало-кельтском \*kʷenkʷe, что засвидетельствовано ирл. coic и лат. quinque. Трудно определить, насколько доказательно это совпадение. Известно, однако, что это явление присуще не только данному числительному; тот же процесс наблюдается в италийском и в кельтском всегда, когда встречаются р и kʷ в двух следующих друг за другом слогах. Это новообразование явно не вытекает из какой-либо особенной итало-кельтской тенденции. В ассимиляциях такого рода проявляется общее стремление к уподоблению двух следующих друг за другом слогов (ср. переход \*sešugas в šešugas «свекор» в литовском). Нам нужно узнать, насколько сильна эта тенденция, что как раз остается неизвестным. Встречается немного случаев, когда можно наблюдать последовательность р... kʷ... Достоверно, что в западной группе индоевропейских языков kʷ и р очень близки, и kʷ там перешло в р; в греческом — с определенными ограничениями, в оскско-умбрском и в кельтском — регулярно, а в германском — спорадически. Переход \*р...kʷ в \*kʷ...kʷ в итало-кельтском является одним из проявлений этой близости. Но в греческом такой ассимиляции не произошло; следовательно, здесь в италийском и кельтском имеется новообразование, противопоставляющее их греческому. В германском ассимиляция произошла в обратном порядке и вместо \*kʷ...kʷ появилось \*р... р..., представленное f...f в одном случае, а именно в гот. fimf. Отсюда видно, что тенденция к ассимиляции естественна, но что она представляла две возможности развития. Для итало-кельтского характерным является, с одной стороны, направление, в котором произошла ассимиляция, а с другой — соответствие этого явления общей судьбе согласного kʷ. Совпадение это, таким образом, можно считать доказательным, но в меньшей степени, чем это показалось нам на первый взгляд.

### Достоверные доказательства

К счастью, компаративист нередко располагает средством найти относительно объективные доказательства.

Прежде всего компаративист-историк должен заняться установлением этимологии путем сравнения. Чтобы обосновать сопоставление, нужно доказать, что наблюдаемые соответствия не могут быть случайными. Сопоставление арм. *egki* «два» с гр. *δύο, δύο*, лат. *duo* и т. д., как мы уже видели раньше (стр. 14), является хорошим примером того типа доказательств, какие можно применять. Сначала это сопоставление поражает, и не решаешься принять его. Но в действительности оно является вполне надежным, что можно легко доказать.

Прежде всего весь ряд армянских числительных от «одного» до «десяти» по происхождению индоевропейский, что совершенно очевидно для всех числительных, кроме *egki*. Заимствование числительного представляется а priori маловероятным для древнего индоевропейского языка, старый словарный фонд которого в общем сохранился так хорошо; это предположение еще менее приемлемо, если учесть, что ни в одном из известных нам соседних (неиндоевропейских) языков не встречается подобной формы для «двух», так что непонятно, откуда *egki* могло бы попасть в армянский.

Во-вторых, числительные «три» и «четыре», которые в индоевропейском имели флексию множественного числа, в армянском языке имеют форму именительного падежа с конечным *-k-*, а прочие числительные, начиная с «пяти», не склоняются и не имеют конечного *-k-*: ср. *egek* «три», *çogk* «четыре», но *hing* «пять», *ves* «шесть» и т. д. Числительное «два» обладало в индоевропейском флексией, которая, естественно, была флексией двойственного числа. В историческую эпоху в армянском уже не было двойственного числа, несомненно, давно исчезнувшего; итак, форму *egki* нельзя объяснить данными исторической эпохи. Поразительно, что, когда категория двойственного числа в армянском была утрачена, *egki* не приобрело оформления множественного числа. Этот пережиток индоевропейского двойственного числа в армянском поражает, поскольку то же наблюдается в лат. *duo* или гр. *δύο* и пр.

Развитие *\*egk-* из начального *\*d̥u-* кажется странным. Но можно показать, что оно встречается всюду, где имеется та же начальная группа звуков; это устанавливается двумя другими сопоставлениями, столь же доброкачественными в смысловом отношении, как и сопоставление *egki* с лат. *duo*. В результате данное явление армянского

языка становится понятным (подробнее см. об этом стр. 32 и сл.).

К тому же, если бы егки было древним двусложным словом с исконным е, конечное и не могло бы в нем удержаться, так как во всех двусложных словах, унаследованных армянским из индоевропейского, гласный конечного слога исчезал. Гласный и в егки, столь естественно соответствующий древнему долготу \**-ō*, засвидетельствованному в др.-гр. *δύο*, ст.-слав. *дъва* и пр., сохранился только благодаря тому, что во время исчезновения гласных конечных слогов слово это еще не было двусложным.

Все же необычность фонетического развития может вызвать некоторые сомнения. Доказательством послужит сравнение параллельных видоизменений основы этого числительного в армянском и в других индоевропейских языках. Так как и.-е. *ō* долгое представлено арм. *и*, форма егки восходит к \**duō*, сохранившемуся, например, в гомеровской форме *δύω* и в ст.-слав. *дъва*, а равно и в ведийск. *d(и)uā*. Но существовала и другая форма \**duo* с кратким конечным *o*, отсюда обычное в греческом *δύο*. В армянском же наряду с егки «два» имеется егко-*tasan* «двенадцать» (два и десять), где сохранился вариант с кратким *o*. Это еще не все. Первый компонент сложных слов имел в индоевропейском форму \**dui-*, а не \**duo-*, как это видно из скр. *dvi-*, и гр. *δι-*, лат. *bi-*; и в армянском встречается форма егки- в слове егкеат «двухлетний». Приведенным тройным рядом параллельных видоизменений случайность исключается.

Таким образом, доказательство завершено.

Но не всегда удается найти столь полные и многочисленные соответствия. Следовательно, степень надежности этимологии разнится от случая к случаю. В иных случаях, подобных только что приведенному, доказательство безупречно и достигает такой четкости, какую редко можно встретить в исторической науке. В других случаях сопоставление только возможно, а иногда трудно доказать даже его вероятность. Между двумя указанными крайностями имеют место все степени вероятности. Одним из самых серьезных недостатков этимологических словарей является то, что они не обозначают степень достоверности сопоставлений. Если даже языковед не располагает коэффициентом для точного определения этих различий, он все же имеет в своем распоряжении средства, чтобы дать их почувствовать и как-то обозначить.

## Потребность в новых фактах

Для дальнейших успехов исторического языкознания необходимо уточнить, систематизировать и расширить изыскания, ибо наши теории основаны на данных неполных, неясных, скорее подвернувшихся случайно, чем сознательно отобранных.

Необходимо как можно больше уточнять наблюдения: всякий раз, когда данные рассматриваются более тщательно, можно добиться новых результатов. Для изучения современных языков использованы далеко не все средства, которыми располагают. Для исследований в области фонетики нужны лаборатории и опытные языковеды, умеющие пользоваться аппаратурой. Кроме того, недостаточно наблюдать факты в статике, в их состоянии в определенный момент. В статье покойного Пуаро, недавно опубликованной в сборнике «*Mélanges Andler*»<sup>1</sup> показано, каким образом можно уловить изменение в самый момент его осуществления, и наблюдать, как оно происходит. Занимаясь древними языками, лингвист должен использовать самые точные филологические данные; напрасно воображают иногда, что он может довольствоваться какими-то приблизительными филологическими показаниями; напротив, ему необходимы вся точность и строгость, какие только достигаются при помощи самых тщательных филологических методов.

Нужно производить систематические исследования. До сих пор почти ничего не сделано, чтобы обосновать лингвистические теории регулярными исследованиями. Только некоторые психологи предприняли ряд опытов, но это начинание не было поддержано.

Было бы, например, важно тщательно изучить, в какой мере приобретенные языковые навыки передаются от поколения к поколению. Неизвестно, что легче ребенку: научиться языку его родителей или же какому-нибудь другому языку, в частности языку иного типа! Для выяснения этого нужно было бы провести обследование, которое не составит особой трудности.

Некоторые факты позволяют предполагать, что дети родителей, хорошо знающих несколько языков, или дети двуязычных родителей более способны к изучению чужих

---

<sup>1</sup> *Mélanges offerts à Ch. Andler*, Страсбург, 1924.— *Прим. ред.*

языков, чем дети, родители которых (и мать и отец) говорят на одном языке и при этом на одном и том же.

Тот факт, что одинаковые новообразования возникают в одно и то же время у детей, родившихся в одинаковых условиях, как будто бы говорит о наследственности приобретенных навыков.

Здесь намечается ряд наблюдений и даже экспериментальных исследований, которые могли бы по-новому осветить ход языкового развития.

Впрочем, опыт лингвистов слишком ограничен. Если большие языки описываются часто со всей тщательностью, то в описаниях местных говоров нехватает необходимой точности. Точные описания языков, кроме крупнейших, вообще редки, а между тем необходимо проследить, как функционируют самые различные по своему строю языки в самых разнообразных условиях.

Еще печальнее то, что мы не имеем, собственно, ни одного случая, когда определенное состояние языка было бы исследовано и описано точным, тщательным, исчерпывающим образом. В фонетических описаниях, грамматиках, словарях даются либо типичные случаи, отобранные более или менее произвольно, либо нормы. Но нет такой языковой области, о которой можно было бы сказать, каково на самом деле ее лингвистическое состояние. Лингвисты же интересуются не нормами, а то, каким образом используется язык.

Ничто так не отличается от одного состояния языка, как его другое состояние. Одно дело — говор деревни, все обитатели которой находятся примерно на одном и том же социальном и культурном уровне, и другое дело — речь города, где живут люди различных сословий, различного воспитания, различной культуры. Одно дело — город, в котором все говорят на одном языке, и другое дело — такой город, как Константинополь, где население говорит на пяти-шести различных языках. Условия изменяются в соответствии с нравами: в некоторых городах Ближнего Востока мужчины знают в той или иной степени четыре или пять языков и говорят на них по мере надобности, тогда как женщины — затворницы в своем доме — владеют лишь одним языком. Разнообразие социальных условий бесконечно.

Воображают, что известно, что такое французский язык. На самом деле, никто по-настоящему не знает, как говорят

все жители того или иного французского селения или провинциального города, а тем более Парижа. Желаящему определить дальнейшие пути развития французского языка следовало бы установить, в какой мере в деревнях и в городах употребляются местные говоры, какую особенную форму принимает французский язык в каждой провинции, в каждом городе, а в том или ином городе — у людей каждой социальной группы, каждой профессии, каждого сословия.

Французский язык известен по грамматикам и словарям: но это — лишь сводка предписаний. Языковеду же важно знать, как люди, говорящие по-французски, используют правила. Однако об этом существуют лишь смутные представления, так как никаких систематических обследований не проводилось, сделано было лишь несколько частных экскурсов.

А между тем общефранцузский язык становится языком всего населения Франции, тогда как еще в начале XIX в. он был языком лишь небольшой группы образованных людей; этот факт радикально изменил условия языкового развития и не может не вызвать значительных новообразований.

То, что справедливо в отношении французского языка, так же справедливо и в отношении всех крупных языков мира.

История констатирует, что общие языки получают распространение. Но как протекало это распространение в прошлом, трудно определить. Что же касается настоящего, когда возможны непосредственные наблюдения, мы, к сожалению, почти не обращаем внимания на происходящее. Еще в 1914 г. русский язык стал общим языком в Тбилиси, но нигде не указывалось, какими способами и при чьем посредничестве это произошло. Потребность иметь общий язык в городе, где бок о бок жили люди, говорящие на грузинском, армянском, турецком, русском и многих других языках, толкала к употреблению русского языка, который применялся в школе и в государственном управлении и имел престиж носителя цивилизации. Внедрению русского языка могли способствовать и некоторые особенности быта: не принято было брать в услужение армянских женщин, и зажиточные армянские семьи нанимали для воспитания детей главным образом русских женщин; в связи с этим русский язык становился родным для множества армянских детей в самых влиятельных домах.

В североафриканских колониях, управляемых Францией, сосуществуют берберский, исконный туземный язык, и арабский, язык завоевателей-мусульман. Арабский как язык религии и богатой литературы вытесняет, по крайней мере в Алжире, берберский, который является лишь совокупностью местных говоров. Зато мусульманское население, преданное своей религии и своим традициям, заимствует у европейской цивилизации только немногие элементы материального характера и не принимает французского языка, пользуясь им лишь по необходимости, для внешних сношений. Успехи цивилизации, внесенной европейским управлением, ведут к отказу от берберского и дальнейшему распространению арабского, так что французское управление, само того не желая, способствует расширению употребления арабского языка.

Следовало бы узнать, в случаях двуязычия, как один язык действует на другой и какие результаты от этого получаются.

Америка представляет интересные примеры, которые следовало бы детально изучить, но языковеды едва-едва их затронули.

В XVII и XVIII вв. Северная Америка заселялась преимущественно английскими переселенцами. Лишь в конце XVIII в. современные Соединенные Штаты перестали быть английской колонией (Канада же и теперь еще является доминионом Британской империи). В течение XIX и XX вв. происходила непрерывная эмиграция из Англии в Соединенные Штаты. Литературный английский язык остается одним и тем же по обе стороны Атлантического океана, имеет те же грамматические нормы, которые так же преподаются в школах; и даже у наиболее образованных американцев, особенно в восточных штатах, наблюдается проявление английского пуризма. С другой стороны, влияния языка туземцев не было, потому что они частью истреблены, частью загнаны в особые районы; белые не смешивались с исконным населением Северной Америки. И все же прошло лишь полтора столетия после провозглашения декларации независимости, а английский язык, на котором говорят в Америке, стал уже значительно отличаться от языка, на котором говорят в Англии. Выдающийся литературный критик Менкен доходит даже до того, что говорит, — правда, несколько тенденциозно — о двух различных языках.

Это расхождение легко объяснить.

Прежде всего английский язык проявляет меньшую сопротивляемость изменениям, чем французский. Грамматика его не так окостенела, для английского характерны скорее идиоматические обороты, которые легче поддаются изменениям, чем собственно грамматические формы. К тому же пуризм в Англии проявляется слабее, чем во Франции, он менее организован и менее популярен.

Северная Америка стала мощной нацией, которая не чувствует никакой зависимости от своей прежней родины и которой всякая зависимость, даже в отношении языка, была бы в тягость. Если некоторые группы интеллигенции, особенно в районах старой колонизации, на востоке страны, все еще связаны со старой английской культурой, то это касается только образованных людей, влияние которых в стране далеко не доминирует. Школа не зависит от центрального правительства и не смогла бы играть такую унифицирующую роль, какую она играет, например, во Франции.

Кроме того, и это главное, Соединенные Штаты являются страной иммиграции. Туда съехались эмигранты со всех концов Европы: ирландцы, которые, если и говорили по-английски, то лишь как на недавно усвоенном языке, немцы, скандинавы, латыши и литовцы, поляки, русские, финны, румыны, евреи из восточной Европы, итальянцы, греки, армяне и даже сирийцы. Английский язык стал общим языком в Соединенных Штатах; но на этом общем языке говорят многие, имевшие другой родной язык, а также те уроженцы Соединенных Штатов, которые слышали иной язык от своих родителей. В большинстве районов эти новые эмигранты гораздо многочисленнее, чем потомки прежних колонистов. Итак, на английском языке в Соединенных Штатах говорит большинство людей, для которых традиция английского языка является недавней, причем многие из них еще двуязычны. По мере того, как растет значение центра и запада страны, где пропорция недавних эмигрантов больше, чем на востоке, и где британские традиции менее сильны, язык все более искажается.

В общем, сил, обеспечивающих языковую устойчивость, немного, а силы, способствующие изменению, велики. Вполне естественно, что уже теперь в Англии и в Соединенных Штатах английский язык развивается по-разному.

Было бы чрезвычайно поучительно проследить судьбу английского языка в различных странах.



Ставя перед собой задачу рассмотреть такую сложную область, как область языков Кавказа, Институт сравнительного изучения культур правильно оценивает актуальность насущнейших проблем языкознания. Собираение материалов такого рода даст точные и полные сведения о состоянии языка, что позволит пересмотреть и теории. Будем с надеждой ожидать результатов обследований, старательно производимых тонкими и опытными наблюдателями, глубоко просвещенными лингвистами, а также пожелаем, чтобы подобные обследования были предприняты как можно скорее и на других территориях. От этих обследований и от точности, с какой они будут производиться, зависит будущее языкознания.

## О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие . . . . .	3
Предисловие автора . . . . .	8
I. Определение сравнительного метода . . . . .	11
II. Общие языки. . . . .	19
III. Доказательства . . . . .	26
IV. О развитии языков от эпохи первоначальной общности до исторической эпохи . . . . .	41
V. Диалекты . . . . .	49
VI. Лингвистическая география . . . . .	55
VII. Понятие смешанного языка . . . . .	64
VIII. Общие формулы изменений. . . . .	73
IX. Специфические новообразования . . . . .	82
X. Необходимость новых уточнений . . . . .	88